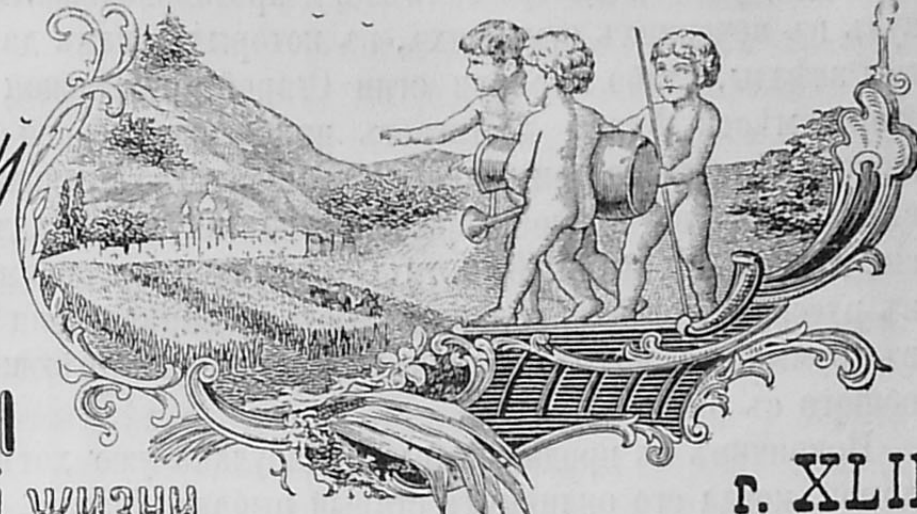

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 26

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 30-го іюня 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к. съ перес. 20 к.

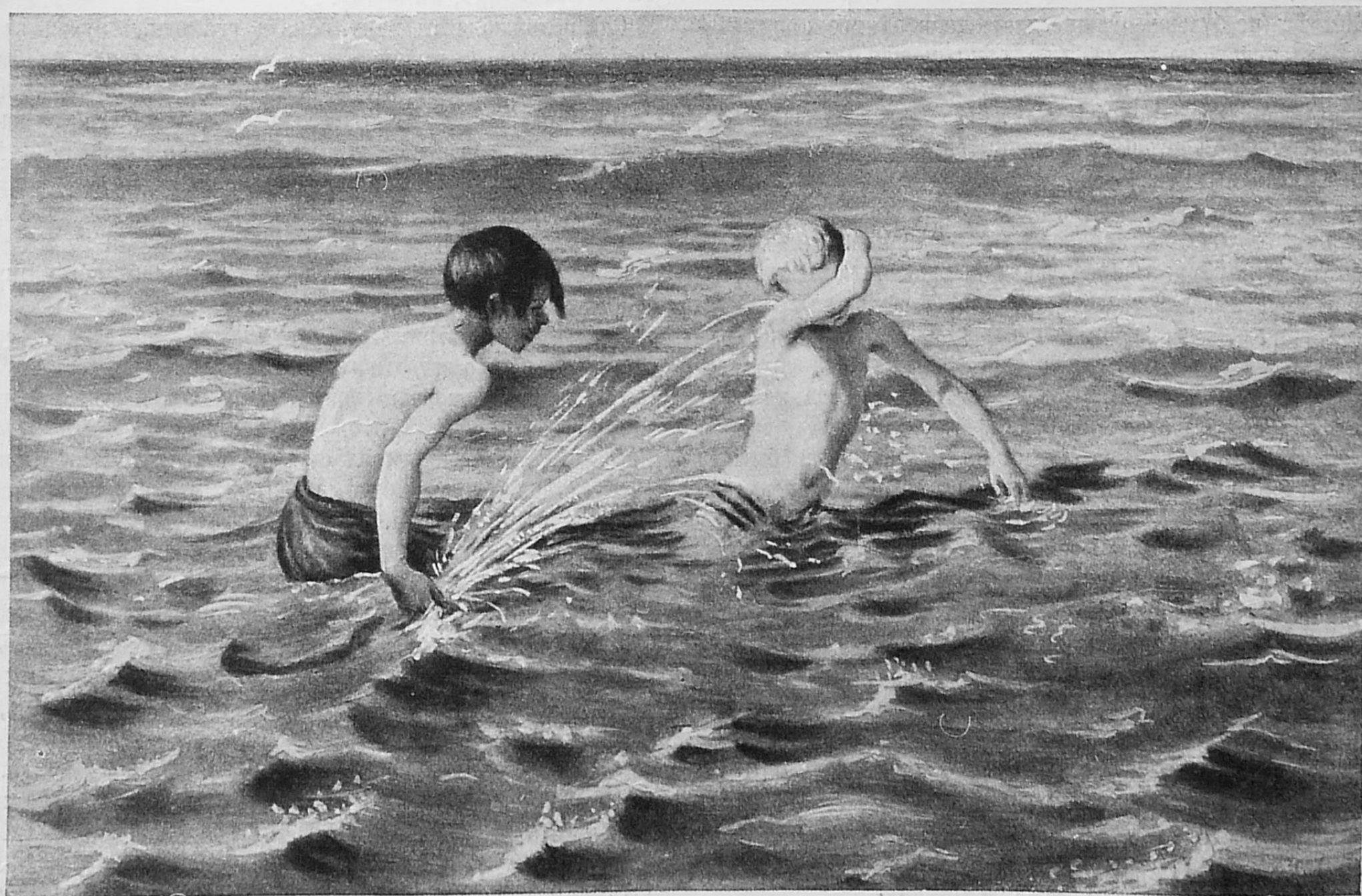
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. 4.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, ≡ А. А. ФЕТА, ≡
≡ А. И. КУПРИНА, ≡ Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

В. Дюмонъ-Бретонъ. Морская битва.

Лодъ аистинымъ гнѣздомъ.

Повѣсть **Вл. Ленскаго.**

(Продолженіе).

XIII.

Надъ Дунаемъ быстро темнѣло, и противоположный берегъ то- нуль въ вечернихъ сумеркахъ, въ которыхъ, какъ далекія золо- тыя звѣзды, слабо мерцали огни Старой, румынской Килии. Въ этомъ мѣстѣ Дунай достигаетъ наибольшей своей ширины, а ниже—дѣлится на три главныхъ и множество мелкихъ рукавовъ, впадающихъ въ Черное море. Одни изъ нихъ принадлежатъ Рос- сии, другіе—Румыніи. Въ этихъ-то рукавахъ, преимущественно въ русскихъ, рыбаки и ловятъ рыбу, но нерѣдко они заходятъ и въ румынскія воды по своимъ дѣламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ рыбной ловлей...

Покончивъ съ продажей рыбы, Бабулака уже хотѣлъ уходить домой, когда его окликнулъ старый рыбакъ Акулай, возившійся еще съ чѣмъ-то въ своей лодкѣ:

— Поди сюда, Бабулака...

Тотъ подошелъ:

— Зачѣмъ?

— Дѣло есть. Прыгай въ лодку!..

Въ лодкѣ, кромѣ Акулая, былъ еще его товарищъ, Бастанъ, молодой, рослый рыбакъ, съ темнымъ, угрюмымъ лицомъ. У Бабулака были деньги въ карманѣ. Онъ подумалъ, не ловушка ли это, и, подозрительно косясь на Бастана, стоялъ въ нерѣшитель- ности. Старый Акулай насмѣшливо сказалъ:

— Не бойся, не ограбимъ, сами съ деньгами...

Прыгнувъ въ лодку, Бабулака увидѣлъ на днѣ ея небольшую корзину съ рыбой. Акулай объяснилъ, смѣясь:

— Для тебя оставилъ... хорошая рыба!..

Бастанъ тоже усмѣхнулся. Бабулака, много ходившій по по- граничнымъ мѣстамъ, догадался, въ чемъ дѣло, и попросилъ по- казать. Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Тутъ нельзя показывать... Купишь — будешь дома смо- трѣть...

— Сколько?

— Красную...

— Много!

— Жалѣть не будешь. Фишка дастъ тебѣ за все три крас- ныхъ... Намъ только не время, а то сами пошли бы къ нему... Да и тебѣ хотимъ пользу дать, потому что очень довольны тобой...

Бабулака зналъ, что онъ на этомъ дѣлѣ не прогадаетъ, но все же ожесточенно торговался. Онъ выторговалъ у нихъ одинъ рубль, и они отнесли корзину къ нему въ избу. Рыба въ корзину лежала только сверху тонкимъ слоемъ, а подъ нею оказалась клеенка, въ которую была заворочена контрабанда: сукно, шел- ковыя матеріи, кружева, шарфы, платки, прошивки, тюль, раз- ныя дорогія отдѣлки для платьевъ. Товаръ былъ не только кон- трабандный, но еще и краденый; контрабанда, привозимая ры- баками, добывалась ими на территоріи Румыніи отъ загранич- ныхъ воровъ, не рѣшавшихся спускать краденое на мѣстѣ и сплавлявшихъ его для этой цѣли къ берегамъ Дуная. Рыбаки по- купали за безцѣнокъ ихъ добычу и старались поскорѣй сбыть съ рукъ, чтобы не попасться, удовлетворяясь самымъ маленькимъ барышомъ.

Вотъ почему этотъ товаръ достался Бабулакѣ такъ дешево. Настоящая цѣна ему была не меньше полсотни рублей, не считая пошлины, которую нужно было бы заплатить, если бы онъ при- шелъ сюда законнымъ путемъ, черезъ таможеню. Разсматривая содержимое корзины, Бабулака радостно потиралъ руки.

Онъ отобралъ и отложилъ въ сторону два шарфа—одинъ крас- ный, съ зелеными полосами, одинъ голубой, съ золотыми звѣз- дами, кусокъ золотистой шелковой матеріи для платья и цѣлую штуку кружевъ,—все это для Параскивы; и затѣмъ—два платка, лиловый шарфъ и тоже кусокъ краснаго шелку — для Марицы. На другой день утромъ онъ отнесъ имъ эти подарки.

Параскивѣ онъ сказалъ, отдавая ей узелокъ:

— Люби Бабулаку. Бабулака много дастъ...

А Марицѣ сунулъ въ руки, только сказавъ, какъ-будто сожа- лѣя объ этой необходимости одаривать и ее:

— На!.. Бабулака обѣщаль и—далъ!..

А самъ отошелъ въ сторону, наблюдая исподлобья, какое впечатлѣніе произведутъ его подарки на обѣихъ женщинъ...

Параскива, развернувъ узелокъ, ахнула, всплеснула руками и отъ удовольствія, восхищенія и радости покраснѣла, а черные глаза ея засіяли, какъ звѣзды.

— Это мнѣ? — спросила она, не вѣря своему счастью, обра- тивъ къ Бабулакѣ свое яркое, еще болѣе похорошѣвшее отъ ра- достнаго изумленія, лицо.

— Тебѣ!—гордо сказалъ Бабулака, ревниво глядя на эти вещи и прикидывая въ умѣ, сколько можно было бы выручить за нихъ, если бы продать.—Много стоитъ!..—прибавилъ онъ для того, чтобы усилить цѣну своему подарку.

Ему немного было жалко этихъ вещей, но онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что Параскива будетъ его, а значить—и онъ снова перейдутъ къ нему. Только вотъ то, что онъ подарилъ Марицѣ,— это уже пропало навсегда. Но ее нужно было задобрить, потому что она не очень-то хотѣла имѣть Бабулаку своимъ зятемъ. Пусть ужъ она возьметъ эти вещи и молчитъ...

Параскива набросила себѣ на голову голубой съ золотыми звѣздами шарфъ, потомъ красный съ зелеными полосами; потомъ примѣрила къ лицу золотистый шелкъ, а къ шелку кружева— и, глядясь въ зеркальце, смѣялась короткимъ, отрывистымъ смѣшкомъ возбужденія чисто женскаго счастья и тщеславія, радуясь тому, что отъ этихъ вещей ея лицо стала еще болѣе нѣжнымъ, свѣтлымъ и красивымъ. Она не удержалась, чтобы не сказать:

— Если бы Журянь увидѣлъ меня такой—онъ совсѣмъ со- шелъ бы съ ума!..

Бабулака нахмурился при упоминаніи о цыганѣ и строго сказалъ:

— Не надо, чтобы онъ увидѣлъ тебя!.. Бабулака будетъ смотрѣть...

Параскива со смѣхомъ поправилаась:

— Это я такъ, въ шутку...

Она подбѣжала къ нему, обняла его одной рукой за шею и поцѣловала его щетинистую щеку. Бабулака одобрительно похлопалъ ее по спинѣ рукой, какъ бы говоря: вотъ такъ и надо...

Но Параскива вдругъ опустила руки, и на лицо ея набѣжала тѣнь грусти. Она печально смотрѣла на эти красивыя вещи и качала головой, говоря:

— Зачѣмъ они мнѣ? Куда я ихъ надѣну? Въ твоей избѣ, чтѣ ли!

Бабулака замоталъ головой:

— Зачѣмъ?.. У Бабулаки будетъ большой домъ! Параскива будетъ барыней...

— Тамъ посмотримъ еще, чтѣ будетъ!—сказала съ сердцемъ Марица:—нечего загадывать и хвастать!..

Она была недовольна своими подарками и не могла простить Бабулакѣ, что онъ далъ ей меньше и хуже, чѣмъ Параскивѣ. Кромѣ того, она догадывалась о происхожденіи этихъ вещей и потому цѣнила ихъ не очень дорого. Ей очень хотѣлось показать ему это, и она сказала, съ пренебреженіемъ швырнувъ ихъ на столъ:

— Смотри, какъ бы ты не попался! Съ этимъ шутки плохія. И одѣвать-то ихъ страшно. Еще меня и Параскиву потянутъ...

Этими словами она совершенно уничтожила цѣнность подар- ковъ и свела къ нулю щедрость Бабулаки. Онъ обидѣлся и сталъ убирать со стола и связывать въ узелокъ платки, шелкъ, шарфы и кружева.

— Не надо!—сказалъ онъ:—пускай Журянь дарить...

Марица спохватилась, что сказала лишнее. Ей все же было жалко отдать ему назадъ вещи, которыя, сами по себѣ, безъ сравненія съ подарками Параскивы, были очень хороши и стоили бы много денегъ, если бы ихъ пришлось покупать. Она отверну- лась и съ плохо скрытой злобой, едва сдерживая себя, проговорила:

— Такъ люди не дѣлаютъ: давать и отнимать! Я только такъ сказала, къ слову пришлось. Чтѣбъ ты былъ остороженъ.—

Она некоса посмотрѣла на Бабулаку, который хмуро, молча увязывалъ узелъ, и наконецъ сердито на него прикрикнула:—Ну, оставь! Будетъ! Тебѣ же добра хочу, а ты не понимаешь!

Параскива, ни слова не говоря, взяла у Бабулаки узелъ и отнесла его въ другую комнату. Вернувшись, она сказала матери:— Дай Бабулакѣ кофе!

Марица ушла на кухню варить кофе, а Параскива, прижавшись къ Бабулакѣ, сказала ему, смѣясь:

— Такъ у тебя будетъ большой домъ? И я буду барыней? А ты чѣмъ будешь?

Бабулака повеселѣлъ, и его лицо сморщилось отъ счастливаго смѣха. Онъ былъ благодаренъ ей, что она предупредила ссору.

— А я буду—Бабулака!—сказалъ онъ съ гордостью, искренно полагая, что выше и лучше этого ничего больше не можетъ быть.

Оставшуюся контрабанду Бабулака снесъ Фишкѣ Бородатому и продалъ ее, какъ ему предсказалъ старый Акулай, за три красныхъ. Это дѣло было еще выгоднѣй, чѣмъ рыбное, и о немъ стоило подумать.

XIV.

Костры цыганъ горѣли по вечерамъ въ солончаковой степи ярко и таинственно, привлекая испуганно-внимательные взгляды мирныхъ, осѣдлыхъ жителей, ожидавшихъ отъ нихъ всякихъ бѣдъ и несчастій. Въ сонную, задумчивую тишь засыпающаго городка вливались нѣжные, очищенные степной ширью, звуки отдаленнаго хороваго пѣнія, вольно разносившейся въ полевомъ вечернемъ воздухѣ незнакомой, чужой городу пѣсни. И оттого, что эта пѣсня была чужда и непонятна городу—онъ слушалъ ее съ затаенной тревогой, враждебно насупившись подъ своими камышовыми крышами и подозрительно поглядывая въ степь испуганно мигавшими въ маленькихъ окнахъ огоньками. Иногда изъ табора долеталъ визгъ скрипки, сопровождаемый дребезжаньемъ бубенъ, и около костровъ мелькали черныя прыгающія тѣни, и тогда казалось, что тамъ черти справляютъ свой сатанинскій праздникъ вокругъ адскихъ огней, бьющихъ изъ трещинъ разсѣвшейся отъ зноя земли. Но чаще всего оттуда не доносилось ни звука, и костры казались окруженными безжизненными равнинами, мертвымъ безмолвиемъ и свѣтили кому-то—незримо и таинственному, совершающему во мракѣ какое-то тихое, непонятное и страшное дѣло.

А на самомъ дѣлѣ цыганскій таборъ, освѣщенный кострами, имѣлъ самый обыкновенный житейскій видъ, и если бы кто-нибудь изъ горожанъ отважился подойти къ нему ближе—онъ увидѣлъ бы, что надъ кострами, подвѣшенные къ палкамъ, висятъ котелки, въ которыхъ варится картофель, и у костровъ сидятъ мужчины, мирно разговаривая и куря трубки, а въ шатрахъ женщины возятся съ грудными ребятами, и шумно укладываются спать полуголые цыганята. И ничего страшнаго, таинственнаго нѣтъ ни въ этихъ мужчинахъ, женщинахъ и дѣтяхъ, ни въ томъ, что они дѣлаютъ. Все ясно, понятно, просто и обыкновенно, какъ и сами горожане съ ихъ укладомъ и жизнью.

Но никто изъ городскихъ жителей ни за какую цѣну не согласился бы ночью пойти въ поле къ цыганскому табору. Цыгане своимъ дикимъ, независимымъ видомъ, своимъ непонятнымъ образомъ жизни и презрѣниемъ къ осѣдлости и городской культурѣ внушали имъ страхъ. Эти черные, лохматые мужчины, съ горячо сверкающими глазами, съ раскрытой волосатой грудью, ходящіе по улицамъ городка съ тѣмъ же выраженіемъ цинично-наглаго хищничества, съ какимъ дикіе, вольные ястребы кружатъ надъ птичникомъ, населеннымъ трусливыми, не умѣющими летать и защищаться, домашними птицами; эти смуглая, поразительно красивыя или столь же поразительно уродливыя женщины, съ кричащей пестротой платьевъ и шалей, съ острымъ, гипнотическимъ взглядомъ глубокихъ и злыхъ глазъ, добирающихся до самой души того, на комъ они остановятся, съ презрительно усмѣхающимися губами, вкрадчивымъ, лживымъ голосомъ, съ манерой просить, въ которой чувствуется настойчивое требованіе, и, главное, съ этой удивительной-таинственной способностью угадывать иногда чужое прошлое и, болѣе или менѣе вѣрно, предсказывать будущее; эти быстрые, живые, полуголые цыганята, маленькіе дикари, ничего не знающіе и въ то же время ничему не удивляющіеся, презирающіе своихъ городскихъ сверстниковъ и бѣгающіе

по улицамъ города съ такимъ же независимымъ видомъ и выраженіемъ хищничества, какъ и ихъ матери и отцы,—развѣ можно было быть спокойнымъ, зная, что они тутъ, и чувствуя ихъ злую, глубокую, вѣковую враждебность къ осѣдлому люду?

Ни одинъ изъ цыганъ не былъ пойманъ въ какомъ-либо преступленіи или замѣченъ въ чемъ-нибудь предосудительномъ. А преступленій за лѣто было совершено много, и нѣсколько—очень таинственныхъ и совершенно непонятныхъ по своей безцѣльности и ненужной жестокости. Такъ, на примѣръ, былъ зарѣзанъ въ своей лачугѣ Гершъ Левентовъ, отецъ музыканта Хаима Левентова, семидесятилѣтній старикъ, у котораго нельзя было рассчитывать найти не только что-нибудь цѣнное, но даже кусокъ хлѣба, спрятанный про запасъ. Его нашли на постели съ перерѣзаннымъ горломъ, и его жалкій, нищенскій скарбъ оказался нетронутымъ. Злодѣи, повидимому, здѣсь ничего и не искали...

Еще удивительнѣе было преступленіе, совершенное у богача Зарзара, у котораго въ конюшнѣ двѣ прекрасныя, дорогія лошади найдены были однажды утромъ съ переломанными передними ногами. Это было такъ бессмысленно-жестоко, что самъ Зарзаръ, разсердясь, сказалъ:

— Лучше бы увели ихъ, подлецы!..

А потомъ, спустя немного времени, рыбаки извлекли изъ Дуная трупъ десятилѣтней дѣвочки Дины Котловкеръ, къ ногамъ которой были привязаны камни, ясно указывавшіе на преступленіе. Но медицинское вскрытіе не нашло признаковъ насилія, и это убійство такъ же было непонятно и бессмысленно...

Кромѣ этого, было совершено нѣсколько крупныхъ кражъ изъ бакалейныхъ магазиновъ и хлѣбныхъ амбаровъ; была ограблена кружка подаваній въ крѣпостномъ соборѣ; у Фишки Бородатаго стащили бѣлье, развѣшанное во дворѣ для просушки; у грека Гиллиса сгорѣлъ домъ, и тутъ былъ несомнѣнный поджогъ, потому что пожаръ начался съ нежилой части дома, куда уже два года никто не входилъ; а его имущество послѣ пожара оказалось въ значительной степени расхищеннымъ...

Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ подозрѣвали, конечно, прежде всего—цыганъ, но уликъ не было никакихъ, и приходилось только ограничиваться одними подозрѣніями, основанными лишь на страхѣ, который питали обыватели къ цыганамъ... Но однажды ночью, уже въ серединѣ августа, произошелъ грандіозный пожаръ—сгорѣлъ цѣлый рядъ домовъ, въ которыхъ помѣщались бакалейный, галантерейный, мануфактурный, колониальный и желѣзный магазины, аптека и хлѣбная контора, и въ этомъ дѣлѣ участіе цыганъ уже казалось несомнѣннымъ, потому что ихъ видѣли въ толпѣ, окружавшей пожарище. Немногіе, стараясь быть безпристрастными, говорили, что цыгане вмѣстѣ съ другими помогали тушить огонь или, въ худшемъ случаѣ, оставались только зрителями пожара; но большинство единодушно утверждало, что они, пользуясь пожарной суматохой, крали товары, и что именно они для этой цѣли и подожгли магазины.

Изъ уваженія къ мнѣнію большинства, а также изъ ненависти и злобы къ этому дикому, чуждому племени, доставлявшему столько безпокойства властямъ и обывателямъ, мѣстный приставъ, главное начальство города, собравъ всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи городскихъ, отправился въ цыганскій таборъ съ требованіемъ—выдать поджигателей. Цыгане встрѣтили его съ презрительной усмѣшкой и съ блескомъ затаенной злобы въ глазахъ, но, подчиняясь силѣ, сняли шапки и поклонились. Они сдержанно заявили приставу, что среди нихъ нѣтъ поджигателей, и спокойно дали ему перерыть весь ихъ скарбъ въ кибиткахъ и шатрахъ. Къ великой досадѣ пристава, у нихъ не оказалось ни товаровъ сгорѣвшихъ магазиновъ, ни другихъ какихъ-либо краденыхъ вещей, и онъ ушелъ изъ табора сконфуженный и еще болѣе озлобленный на цыганъ. Они проводили его низкими поклонами и насмѣшливыми улыбками...

А на другой день приставъ обнаружилъ у себя пропажу самовара, шубы, ружья и двухъ казенныхъ револьверовъ. Взбѣшенный этой неслыханной дерзостью воровъ, осмѣлившихъ произвести кражу изъ квартиры самого начальника города, онъ, уже не стѣняясь отсутствіемъ уликъ и безъ всякой мотивировки, отдалъ цыганамъ приказъ—въ теченіе трехъ дней очистить солончаковое поле... Это произошло за два дня до Бабулакиной свадьбы...

Н. Самокишъ. Переходъ черезъ Нѣманъ (12 юня 1812 г.).

Н. САМОКИШЪ

Н. Самокишъ. Дѣло при Островнѣ (13 юля 1812 г.).

XV.

Лѣто подходило къ концу. Уже аистята оперились, выравнились, стояли на ногахъ и понемногу начинали учиться летать. Аистъ и аистиха толкали ихъ своими крѣпкими клювами, сгоняя съ гнѣзда, и когда птенецъ срывался съ крыши—у него инстинктивно раскрывались большія, бѣлыя, съ черными концами, крылья, которыми онъ, еще неумѣло, торопливо, испуганно махалъ, стараясь удержаться въ воздухѣ. Описавъ небольшой полукругъ около крыши, онъ спѣшилъ опуститься въ гнѣздо и, ставъ на ноги, закидывалъ на спину голову съ длинной шеей и звонко, весело трещалъ клювомъ, радуясь этой, открывшейся въ немъ, прекрасной возможности воздушнаго передвиженія, этому великому чуду—своимъ бѣлымъ, красивымъ, широкимъ крыльямъ...

Зной не уменьшался, хотя уже давно стоялъ августъ. Зной былъ нуженъ для фруктовыхъ садовъ, тянувшихся по берегамъ Дуная, для дозрѣвавшихъ яблокъ, персиковъ, айвы, а главное—для винограда, для сладости его гроздей, для крѣпости его вина. Во многихъ садахъ виноградъ уже поспѣлъ, и владѣльцы ихъ выжимали вино первобытнымъ способомъ—наполняя мѣшки гроздьями и выдавливая изъ нихъ сокъ ногами. Простоявшій нѣсколько дней и слегка поигравшій, мутный, зеленоватый муссъ съ виноградными зернами, ароматный и приторно-сладкій, уже можно было пить, какъ вино. Это молодое вино пилося очень легко, какъ квасъ, благодаря чему не представлялось особенно труднымъ выпить его такое количество, какое только могъ вмѣстить желудокъ. Легкость эта была обманчива, и не одна, самая крѣпкая, голова въ концѣ концовъ сдавалась и начинала отъ его дурманной сладости чудить такъ, какъ это возможно только у совершенно звѣрски пьянаго человѣка.

Появленіе молодого вина обыкновенно сопровождается безпросыпнымъ пьянствомъ, гульбищемъ, драками и даже убійствами. Пьютъ всѣ—мужчины, женщины, старики, дѣти и даже свиньи, наѣдающіяся прокисшими и перебродившими виноградными выжимками, бродятъ по улицамъ шатающейся, пьяной походкой, издавая неумѣренно веселый визгъ и громкое, счастливое хрюканье. Сладкій виноградный сокъ пьютъ утромъ съ хлѣбомъ, вмѣсто чая, пьютъ за обѣдомъ, пьютъ вечеромъ. Онъ очень дешевъ и доступенъ каждому. Августъ—мѣсяцъ вина, праздникъ веселаго Вакха, насыщающаго даже воздухъ улицъ пьяными винными испареніями...

Марица, конечно, объ этомъ великолѣпномъ гулякѣ-богѣ не имѣла ни малѣйшаго представленія и вовсе не въ угоду ему рѣшила сыграть свадьбу Параскивы въ августѣ. Помимо того, что дѣвушка почему-то горячо торопила ее со свадьбой, у нея было еще соображеніе чисто практическаго характера, имѣвшее въ виду если не самого Вакха, то во всякомъ случаѣ его волшебный напитокъ именно въ томъ періодѣ, когда онъ именуется молодымъ и по дешевизнѣ можетъ соперничать съ кислымъ квасомъ. На свадьбѣ народу будетъ много, и народъ все крѣпко пьющій, пить будутъ три дня и три ночи,—гдѣ ужъ тутъ напасть на настоящего вина! Дай Богъ, чтобъ хватило денегъ и на молодое!.. Она пробовала намекнуть Бабулакѣ, чтобы онъ принялъ участіе въ расходахъ по свадьбѣ, но тотъ притворился, что не понимаетъ, о чемъ она говоритъ, и Марица отъѣхала ни съ чѣмъ.

Вѣнчалась Параскива въ золотистомъ шелковомъ платьѣ, подаренномъ Бабулакой, красотѣ и богатству котораго всѣ не мало удивлялись. Для пущаго шику она накинула себѣ на плечи голубой съ золотыми звѣздами шарфъ,—и все это, вмѣстѣ съ ней самой, съ ея черными, какъ воронье крыло, волосами, блестящими глазами и краснощекимъ лицомъ—представляло поистинѣ изумительное по яркой пестротѣ и великолѣпію зрѣлище. Именно въ этомъ смыслѣ завидовали ей многія женщины и дѣвушки, но ужъ никакъ не тому, что она выходила замужъ за Бабулаку. Въ этомъ развѣ могла позавидовать ей только Марица, которую онъ въ свое время отвергнулъ.

Но Параскиву, повидимому, нисколько не огорчало безобразіе ея жениха. Напротивъ, она казалась безъ мѣры счастливой, веселой, довольной и, вопреки обычаю, требующему отъ невѣсты въ день вѣнчанія молчаливости, слезъ и печали, много говорила и даже позволяла себѣ громко смѣяться. Даже во время вѣнца, видно было, ее разбиралъ смѣхъ, и она съ трудомъ сдерживала

его. Взглянетъ искоса на Бабулаку — и крѣпко закуситъ губу; кажется, вотъ-вотъ прыснетъ и залетится звонко, раскатисто, на всю церковь

И никто не могъ понять, отчего ей такъ весело. Не могла же она радоваться тому, что выходила за этого маленькаго, смѣшного и противнаго человѣчка! Правда, онъ богатъ и будетъ навѣрно скоро еще богаче, но все же жить съ нимъ ей будетъ не такъ-то ужъ легко и весело. Да и сама радость ея не была похожа на ту, какой бываютъ рады люди, довольные своей судьбой. Скорѣй можно было заподозрѣть, что она этой свадьбой кого-то обманула, поставила въ дураки, жестоко наказала — и теперь отъ этого вся полна злой, проказливой, мстительной радостью, бьющей чуть-что не черезъ край.

Мудрено было разобраться въ ея настроеніи не только постороннимъ, но даже и близкимъ. Сама Марица удивленно, подозрительно поглядывала на дочь, не понимая ея сумасбродства, толкнувшаго ее на такое странное замужество

„Подождемъ—увидимъ“... — говорила она себѣ, смутно угадывая материнскимъ сердцемъ во всемъ этомъ какую-то тайну...

Одинъ Бабулака не замѣчалъ никакой странности въ поведеніи своей невѣсты и ни въ чемъ не подозрѣвалъ ее. До вѣнца онъ былъ, какъ всегда, суетливъ и буднично угрюмъ и долго не соглашался снять свой постоянный головной уборъ — грязный ситцевый платокъ, въ которомъ хотѣлъ идти и въ церковь. Во время же вѣнца онъ былъ весь вниманіе и слухъ, стоялъ, вытянувъ впередъ шею, и не спускалъ удивленныхъ глазъ съ вѣнчавшаго ихъ священника, словно въ первый разъ въ своей жизни былъ въ церкви и видѣлъ попа. Чтò же касается радости и веселости Параскивы, казавшихся всѣмъ странными и непонятными, то онъ находилъ ихъ вполне естественными и умѣстными. Вѣдь она выходила замужъ не за кого-нибудь, а за Бабулаку! Ей было отчего радоваться и веселиться...

Ко всему этому нужно еще прибавить, что Бабулака въ концѣ концовъ уступилъ настояніямъ Марицы и гостей и разстался на время съ своимъ платкомъ, — и только теперь всѣ увидѣли, что у него голова была совершенно голая, какъ колѣно, и такая блестящая, словно на ней отроду никогда ничего не росло. Увидѣвъ его около себя съ такой безстыдно-голой головой, Параскива поднесла руку къ губамъ и низко опустила голову, чтобы скрыть свои смѣющіеся глаза...

XVI.

Свадьба была веселая, но Бабулака былъ недоволенъ. Первое, чтò ему не понравилось по возвращеніи изъ церкви въ домъ Марицы,—было то, что въ оркестрѣ Мойше Кагальницкаго, игравшаго—и у кого же?—на свадьбѣ Бабулаки!—второй скрипкой все же оказался цыганъ Журянь. Бабулака отъ этого почувствовалъ нестерпимую обиду и, выждавъ, когда оркестръ окончилъ играть привѣтственный ему и Параскивѣ маршъ, отвелъ въ сторону дирижера и, сердясь, сказалъ ему:

— Зачѣмъ цыганъ?.. Не надо цыгана!..

— Извините, — вѣжливо возразилъ Мойше Кагальницкій:— только гдѣ же намъ взять другую вторую скрипку, когда ея нѣтъ?.. Былъ у насъ Хаимъ Музыкантъ, такъ онъ теперь живетъ въ Измаилѣ и занимается башмачнымъ дѣломъ... Если я цыгана прогону, такъ у насъ будетъ не оркестръ, а просто срамъ... Развѣ вы хотите, чтобы у васъ былъ такой же скандалъ, какъ у Фишки Бородатаго?.. Я этого, извините, не могу! Я—музыкантъ, и для меня прежде всего — музыка, и что въ моемъ оркестрѣ цыганъ, или жидъ, или самъ чортъ, извините за выраженіе — такъ это мнѣ все равно, пусть только хорошо играетъ и не дѣлаетъ скандалъ!.. А если вы не желаете, — онъ гордо и обиженно поднялъ свою лохматую голову: — такъ мы можемъ совсѣмъ не играть и уйти съ вашей свадьбы!.. Пусть мадамъ Марица возьметъ Лифтерія, и онъ вамъ будетъ играть на своей паршивой шарманкѣ!..

Сказавъ это, онъ съ достоинствомъ отошелъ къ оркестру и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свое дѣло, яростно покрикивая на музыкантовъ и срывая на нихъ свое возмущенное сердце...

Бабулака кинулся къ Марицѣ, но она и слушать не хотѣла. Только прикрикнула:

— Что жъ ты путаешься здѣсь, а невѣста одна!.. Иди къ ней, а то, смотри, какъ бы кто-нибудь не отбилъ ея у тебя!..

Бабулака, огорченный и злой, пошелъ къ Параскивѣ и сѣлъ рядомъ съ нею за столъ. У него уже снова голова была повязана платкомъ...

— Цыгана прогнала, — сказалъ онъ ей ядовито: — а цыганъ тутъ!..

Параскива посмотрѣла на него, насмѣшливо поднявъ брови.

— Такъ что жъ? — сказала она: — Не я его звала... Пей лучше!..

Она подала ему стаканъ мутнаго молодого вина, и Бабулака сталъ молча, угрюмо пить, заливая свою безсильную злость и досаду...

Въ избѣ Марицы толклося столько народу, что для танцевъ уже не оставалось мѣста. Да и музыки за громкимъ, безтолковымъ говоромъ почти не было слышно. И духота была такая, что дышать становилось невозможно. Мало-по-малу все повыходили на дворъ, повыносили столы и тутъ продолжали пировать подъ чернымъ, звѣзднымъ небомъ, при свѣтѣ маленькихъ, грошевыхъ свѣчекъ... Въ самый разгаръ пиршества пришелъ Фишка Бородатый, котораго Бабулака позвалъ къ себѣ на свадьбу за то, что тотъ пригласилъ его на свадьбу своей дочери.

Фишка былъ въ праздничномъ, черномъ, длиннополомъ сюртукѣ, крахмальной сорочкѣ и шелковомъ картузѣ. Бабулакѣ было очень пріятно, что у него на свадьбѣ присутствуетъ такое уважаемое въ городѣ лицо и въ такомъ великолѣпномъ костюмѣ. Онъ еще издали привѣтливо закивалъ ему головой — и потомъ гордо посмотрѣлъ кругомъ себя, желая обратить вниманіе всехъ на новаго почетнаго гостя.

Фишка хорошо зналъ все приличія; прежде всего онъ поздоровался съ хозяйкой дома — Марицей, поздравилъ ее и сказалъ ей комплиментъ:

— Вы такая молодая и красивая, что васъ можно принять за невѣсту!..

— А что жъ? — засмѣялась Марица: — дочку сбыла съ рукъ, теперь можно подумать и о себѣ!..

Фишка вѣжливо посмѣялся съ ней, потомъ сдѣлалъ серьезное и торжественное лицо и подошелъ къ молодымъ. Сначала онъ сказалъ Бабулакѣ, сунувъ ему свою вялую, блѣдную руку:

— Вы-таки взяли себѣ, господинъ Бабулака, на умъ мой советъ, и это очень хорошо. Только что же вы себѣ думаете? Вы взяли самую красивую дѣвушку во всемъ городѣ. У васъ совѣмъ-таки хорошій вкусъ!..

Потомъ онъ обратился къ Параскивѣ, сунувъ и ей руку съ пріятной улыбкой:

— Ай-яй, какая вы красавица!.. И очень хорошо, что вы притомъ еще и умница. Не каждая дѣвушка умѣетъ сдѣлать свое счастье!..

Послѣ этого онъ взялъ налитый для него Марицей стаканъ вина и сказалъ имъ обоимъ:

— Ну, дай вамъ Богъ счастья, богатства и много дѣтей!..

Онъ отпилъ, сколько требовало приличіе, поставилъ стаканъ на столъ и, вынувъ изъ кармана чистый носовой платокъ, аккуратно развернулъ его и вытеръ имъ усы и бороду. Его усадили за столъ, но онъ ни къ чему не прикасался, потому что все здѣсь было трѣфное, и только медленно, маленькими глотками, тянулъ изъ своего стакана вино. Посидѣвъ немного, изъ вѣжливости, за столomъ и допивъ свой стаканъ, онъ поднялся, пожелалъ молодымъ и всемъ гостямъ веселья и ушелъ, важно поглаживая свою длинную бѣлую бороду, съ достоинствомъ человѣка, хорошо исполнившаго свой долгъ.

Во дворѣ и на улицѣ, около дома, шли танцы, въ которыхъ принимали одинаковое участіе и старики и молодые. Одни вставали изъ-за стола и уходили во тьму двора и улицы, гдѣ толклись подъ музыку едва замѣтные въ темнотѣ силуэты танцующихъ; другіе выныряли изъ тьмы около столовъ и присаживались, отдуваясь, вытирая вспотѣвшія лица, чтобы снова продолжать пиршество. Музыканты играли безъ передышки то медленные, тягучіе, заунывные мотивы, то разгульно-быстрые, полные удали и неудержимаго веселья.

Параскива часто вставала съ мѣста и уходила, оставляя Бабулаку, увлекаемая то однимъ, то другимъ танцоромъ, считавшими за большую честь танцевать съ невѣстой. Да она и сама была большая охотница поплясать и плясала весело, красиво, съ вооду-

шевленіемъ и страстью. Многіе жалѣли, что на улицѣ было темно, и нельзя было видѣть ее въ это время въ ея золотистомъ платьѣ, голубомъ шарфѣ на плечахъ и бѣломъ вѣнкѣ съ фатой на головѣ...

Когда она возвращалась къ столу, ея лицо, оживленное, разгоряченное танцемъ, съ ярко-блестѣвшими глазами и румянцемъ во всю щеку, казалось почти невѣроятно красивымъ, и кто-нибудь изъ гостей, глядя на нее, непремѣнно говорилъ, восхищенно качая головой:

— Ну и жена у тебя, Бабулака!.. Картина!..

А Бабулака сидѣлъ за столomъ и мрачно пилъ вино, стаканъ за стаканомъ, исподлобья глядя на гостей и на Параскиву, когда она уходила и приходила. Онъ никакъ не могъ забыть объ обидѣ, нанесенной ему Марицей тѣмъ, что въ оркестрѣ оказался цыганъ Журянь. Ему также было непріятно то, что Параскива танцевала все съ другими и ни разу не позвала его, чтобы онъ танцевалъ съ нею. Она оказывала ему вниманіе только тѣмъ, что подливала въ его стаканъ вино, и, когда уходила танцевать, поручала это дѣло своей матери. Марица, веселая и немного пьяная, присаживалась къ нему, хлопала его по спинѣ рукой и почему-то укоризненно говорила:

— Эхъ, ты, мой Бабулака, Бабулака!..

Она какъ-будто жалѣла его и упрекала въ какомъ-то его неосторожномъ, необдуманномъ поступкѣ. Бабулака сердито поводилъ плечами и спиной, стараясь сбросить съ себя ея руку, но молчалъ и отворачивалъ отъ нея лицо. Марица смѣялась, наливала ему вина и, чокаясь, спрашивала, хитро подмигивая:

— А маленькій Бабулака будетъ?..

Гости смѣялись, чокались съ нимъ и съ ней и пили за „маленькаго Бабулаку“. А потомъ чокались и пили за то же и съ Параскивой, которая хохотала надъ этой шуткой, какъ сумасшедшая, словно не могла допустить и мысли о томъ, чтобы у нея былъ когда-нибудь „маленькій Бабулака...“

Разъ, когда она встала, чтобы пойти танцевать, Бабулака, уже сильно охмѣлѣвшій, схватилъ ее за руку и заставилъ снова сѣсть. Она выдернула свою руку, и ея глаза злобно блеснули.

— Чего ты? — спросила она, хмуря брови.

— Сиди тутъ! — сказалъ Бабулака и стукнулъ стаканомъ о столъ.

— Вотъ еще! — задорно вскрикнула Параскива. — Рано командовать начинаешь!..

Но тутъ въ-время подоспѣла Марица. Она взяла Бабулаку подъ руку и, приплясывая около него, стащила его съ мѣста и повела танцевать. Все сидѣвшіе за столomъ повскакали и со смѣхомъ и веселыми криками повалили за ними.

На улицѣ образовался широкій кругъ танцующихъ, взявшихъ за руки и двигавшихся, приплясывая, взадъ и впередъ. Они пропустили Бабулаку и Марицу въ середину круга и снова было сомкнулись, но привалившіе сюда изъ-за столовъ остальные гости тоже взялись за руки и, разорвавъ цѣпь, вошли въ кругъ другимъ, меньшимъ кругомъ. Бабулака и Марица были окружены двойной цѣпью, которая двигалась вокругъ нихъ въ разныя стороны все быстрѣй и быстрѣй по мѣрѣ того, какъ ускорялся темпъ музыки.

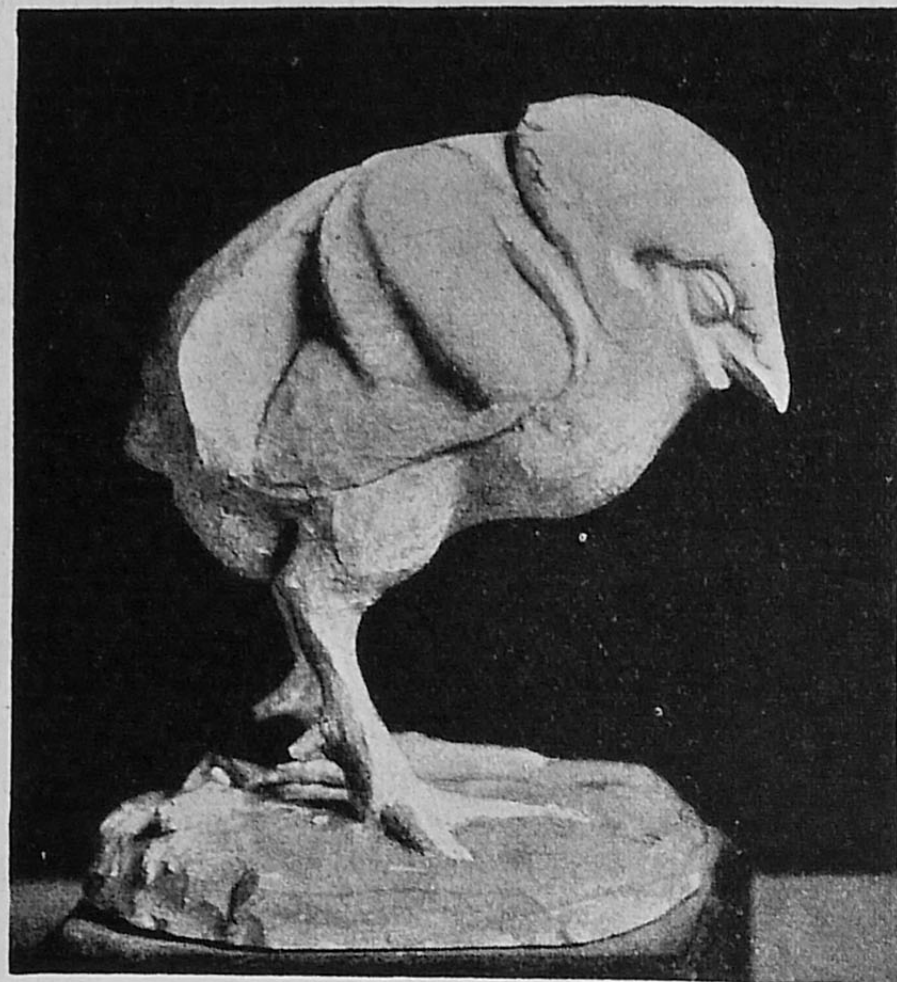
Марица, упершись обѣими руками въ бока, ходила павой около безпомощно топтавшагося на мѣстѣ Бабулаки то лицомъ къ нему, то спиной, то бокомъ, хватала его подъ руку, вертѣла и, бросивъ снова, принималась ходить, поворачиваясь туда и сюда. Продолжалось это очень долго и, вѣроятно, окончилось бы не скоро, если бы музыка вдругъ не оборвалась. Во внезапно наступившей тишинѣ раздался отчаянный вопль:

— Господинъ Журянь, это же разбой, накажи меня Богъ!..

Круги разсыпались, все бросилось во дворъ. Мойше Кагальницкій внѣ себя отъ гнѣва хватался руками за голову и кричалъ:

— Онъ опять сдѣлалъ скандалъ и ушелъ!.. И что я могу съ нимъ дѣлать?.. Бросилъ скрипку и куда-то пошелъ!.. Я совѣмъ не виноватъ. Онъ говорилъ съ мадамъ Параскивой и больше не захотѣлъ играть!.. И вотъ его скрипка!.. Онъ наступилъ на нее ногой и раздавилъ, такую симпатичную скрипку!.. Теперь ужъ совѣмъ нѣтъ второй скрипки во всемъ городѣ!..

Бабулака искалъ Параскиву и не могъ ее найти. Марица тоже шмыгала среди гостей, запыхавшаяся отъ танца, съ тяжело вздымавшейся грудью, съ тревогой и страхомъ въ глазахъ. Гости тол-

Е. Малышевъ. Цыпленокъ.

СКУЛЬПТУРА

НА

ВЕСЕННЕЙ

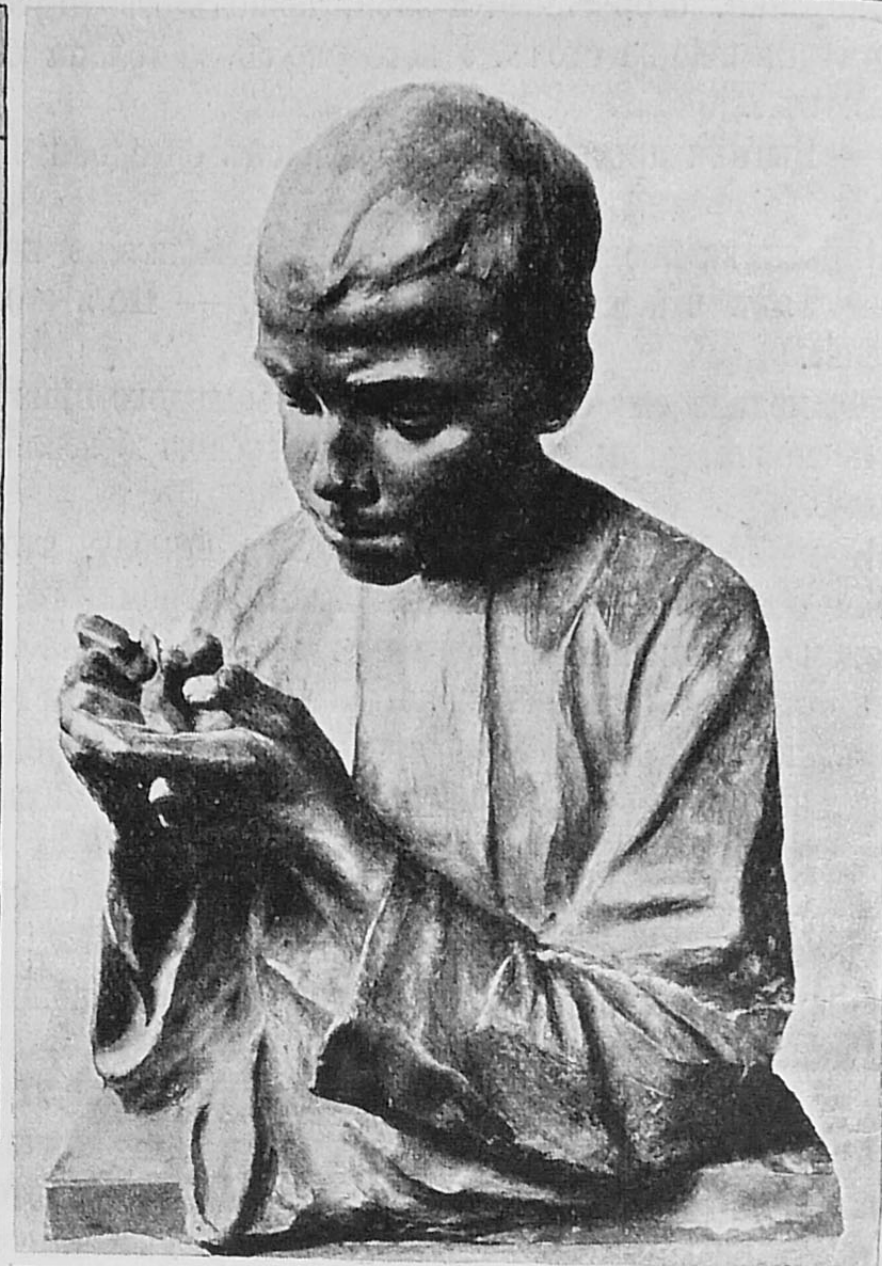
ВЫСТАВКѢ

въ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ

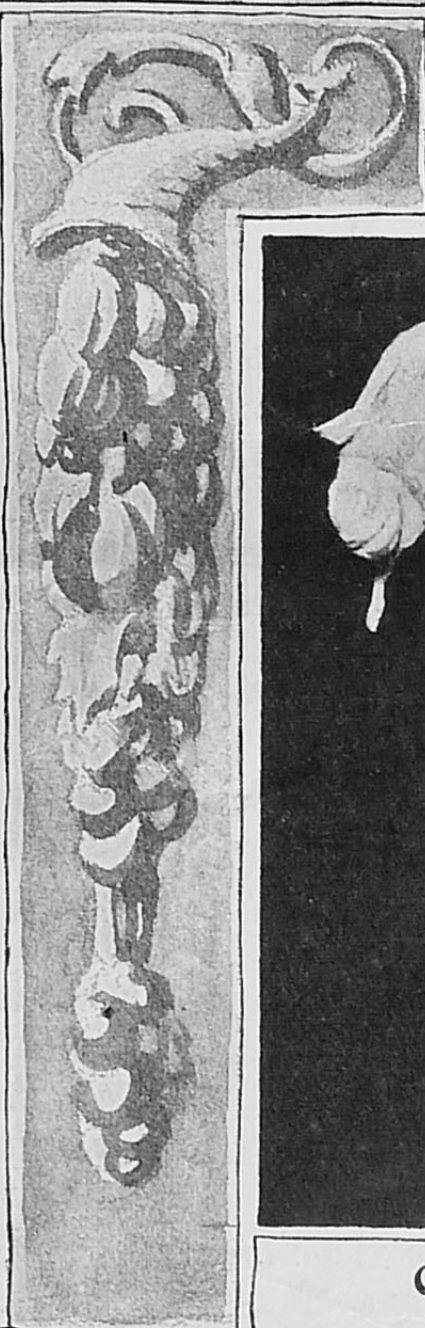
ХУДОЖЕСТВЪ

И. Гинцбургъ. „Заноза“.

М. Керзинъ. Медаль „Земледѣліе и Промышленность“. (4-я премія).

С. Исаковъ. Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ.

Е. Малышевъ. Этюдъ собаки (барельефъ).

пились во дворѣ, какъ стадо барановъ, не понимая, что случилось, но чувствуя разлившееся въ воздухѣ безпокойство...

Вдругъ откуда-то явилась Параскива. У нея лицо было совсемъ спокойно, только углы губъ дергались скрытой насмѣшливой улыбкой...

— Гдѣ была? — спросилъ ее Бабулака, дернувъ за рукавъ платья.

— Тамъ ужъ нѣтъ! — сказала Параскива съ усмѣшкой. — Вонъ цыганъ разбилъ свою скрипку и ушелъ, — такъ ему досадно стало!..

— А тебѣ что?..

— А мнѣ ничего! — Она равнодушно пожала плечомъ: — скажаль, что скоро таборъ уведеть...

Бабулака успокоился; ему было пріятно, что цыгана скоро совсемъ не станетъ въ городѣ, и что Параскива объ этомъ говорила равнодушно. Онъ сказалъ безъ всякой злобы:

— Пускай онъ тамъ сдохнетъ гдѣ-нибудь!..

Параскива засмѣялась ему въ лицо:

— А пускай!..

Оркестръ снова заигралъ, и музыка, хотя и была безъ второй скрипки пожиже прежней, все же успокоила и снова развеселила гостей. Правда, танцовали уже не такъ горячо и весело, но зато за столами царило чрезвычайное оживленіе. Только Марица уже не была такъ весела, и причиной тому были соображенія чисто хозяйственнаго характера. Раздраженно покачивая головой, она то и дѣло бѣгала въ погребъ за виномъ. Десятиведернаго бочонка, приготовленнаго ею на три свадебные дня, едва хватало на первый день. Она возвращалась изъ погреба мрачной и сердитой и ставила бутылки на столъ съ такимъ злобнымъ трескомъ, что стаканы подпрыгивали и звенѣли. Ее разбирали злость на Бабулаку, который уклонился отъ свадебныхъ расходовъ, сваливъ ихъ на нее одну. И она всячески задирала его, чтобы вызвать ссору и хоть сорвать на немъ свое кипѣвшее злобой сердце... Она сказала, крѣпко поставивъ передъ нимъ бутылку съ виномъ:

— На, пей!.. Самъ, небось, не купишь!..

Бабулаку обидѣлъ этотъ намекъ на его скупость. Онъ поймалъ конецъ ея лиловаго шарфа, болтавшагося у нея на шеѣ, и спросилъ нарочно громко, чтобы все слышали:

— А это тебѣ кто далъ?..

— Какая важность, подумаешь! — крикнула Марица тоже нарочно громко. — Знаемъ мы, гдѣ и какъ покупаются эти вещи!.. Заплатилъ грошъ, а хвастаетъ на рубль!..

Среди гостей было нѣсколько торговцевъ, которыхъ Бабулака въ свое время одурачилъ сдѣлкой съ рыбаками. Они притворялись до поры до времени пріятелями Бабулаки, но въ душѣ таили противъ него злобу и ждали только случая, чтобы разстроить эту сдѣлку и уничтожить его въ конецъ. Они тотчасъ же насторожились при послѣднихъ словахъ Марицы и обратили также вниманіе на шелковое платье съ дорогими кружевами и голубой шарфъ Параскивы...

Отъ Марицы не ускользнуло ихъ жадное любопытство, съ которымъ они ждали продолженія этого разговора. Она спохватилась, понявъ, что зашла слишкомъ далеко, и рѣзко оборвала ссору, отойдя въ другой конецъ стола...

Далеко за полночь проводили Бабулаку и Параскиву въ его избу съ музыкой и танцами. Они заперлись, а гости долге еще танцовали на улицѣ, а потсмъ ушли во дворъ Марицы и тамъ продолжали танцовать и пить подъ неумолкаемо гудѣвшую музыку...

XVII.

Изда Бабулаки теперь имѣла совершенно иной видъ и могла поспорить убраннымъ даже съ домомъ Марицы. Въмѣсто его постели на козлахъ, въ красномъ углу, изголовьемъ подъ самыми образами, стояла настоящая желѣзная кровать съ матрацомъ и мягкими пуховыми подушками и краснымъ стеганнымъ одѣяломъ; на стѣнѣ, у которой стояла кровать, висѣлъ узенькій коврикъ; лавки замѣнились деревянными стульями съ мягкимъ сидѣньемъ; на столѣ красовалась бѣлая, съ красными цвѣтами скатерть, на окнахъ — узорныя занавѣски. По земляному полу въ обѣихъ комнатахъ были разостланы въ разныхъ направленіяхъ чистые бѣлые половики. Даже лавки въ первой комнатѣ были покрыты разноцвѣтными самодѣльными коврами...

Все это дала ему, какъ приданое Параскивы, Марица, кото-

рая и помогала ему убирать избу. Параскива до слезъ спорила съ матерью, убѣждая ее не переносить въ избу Бабулаки эти вещи:

— Пусть самъ купитъ... Довольно, что иду за него...

Но Марица считала неприличіемъ и позоромъ для себя не дать ей этого приданнаго, и Параскива, пожавъ плечомъ, сердито сказала:

— Потомъ пожалѣешь!..

— Пусть люди не говорятъ, что ты у меня безприданница, — съ гордостью сказала Марица. — Купишь себѣ новое — отдашь мое...

Несмотря на чистоту и убранство, въ избѣ попрежнему пахло сыростью и гнилью, и этого запаха ничѣмъ нельзя было искоренить... Войдя въ избу, Параскива поморщилась и тяжело перевела духъ. Бабулака вошелъ за нею и тотчасъ же опустился на стулъ и уронилъ голову на грудь. Онъ былъ сильно пьянъ и не могъ держаться на ногахъ... Марица внесла на подносѣ бутылку вина съ двумя стаканами и тарелку со сладостями.

— Новобрачнымъ должно быть сладко и пьяно, — сказала она, поставивъ на столъ подносъ.

Потомъ она обняла дочь и сказала, цѣлуя ее и обливаясь слезами:

— Ну, прости меня, Параскива, дочь моя!.. Дай Богъ тебѣ счастья!.. Не такого мужа нужно бы тебѣ. Сама захотѣла... Можетъ, такъ и лучше...

Она хотѣла расцѣловаться и съ Бабулакой, но онъ дремалъ, сидя на стулѣ, и Марица, презрительно махнувъ рукой, вышла, утирая своимъ лиловымъ шарфомъ слезы...

Заперевъ за ней дверь, Параскива поправила горѣвшую на столѣ свѣчку, сѣла на постель и, оглядѣвшись, тихонько засмѣялась. Въ ней не было замѣтно ни печали, ни волненія, ни страха, какъ это бываетъ обыкновенно у невѣсты, въ первый разъ послѣ вѣнца остающейся наединѣ съ мужемъ. Она была весела, спокойна и довольна и тихо улыбалась, отшпиливая съ волосъ подвѣчный вѣнокъ и снимая съ себя великолѣпное золотистое платье, расчесывая и заплетая въ косы свои длинные, черные, волнистые волосы...

Съ улицы къ ней доносились мягкій топотъ танцующихъ на пыльной дорогѣ, визгъ скрипки, кларнета и гудѣнье контрабаса, пьяные крики, смѣхъ и говоръ... Параскива приколола косы вкругъ головы и, заломивъ надъ ней руки, сладко отъ усталости потянулась...

Бабулака очнулся и открылъ глаза, которые тотчасъ же какъ-будто затащились масломъ, а губы его сладко зажевали. Видъ полураздѣтой Параскивы, ея голыхъ рукъ, плечъ и груди ударилъ ему въ голову; онъ поднялся и, шатаясь, пошелъ къ ней... Параскива отбросила его руку, которую онъ положилъ ей на плечо.

— Чего ты?.. — строго сказала она. — Куда жъ тебѣ пьяному!..

Бабулака бормоталъ, глядя на нее мутными, масляными глазами:

— Параскива... жена...

— Жена да не жена! — загадочно сказала Параскива, усмѣхнувшись: — не по твоимъ рукамъ!..

Бабулака не понималъ, что она говорила, и тянулся къ ней, бормоча:

— Красивая... Бабулака любитъ... люби Бабулаку...

— Ты пьяный!.. — внушительно сказала Параскива. — Хочешь, я тебя поправлю...

Онъ кивнулъ головой и пьяно засмѣялся...

Параскива налила въ стаканъ вина и, стоя къ нему спиной, продолжала еще что-то дѣлать на столѣ, осторожно косясь на него. Бабулака не спускалъ глазъ съ ея голыхъ плечъ, раскрывъ ротъ и отвѣсивъ нижнюю губу...

Онъ послушно взялъ изъ ея рукъ стаканъ и сталъ пить. Но вино на этотъ разъ показалось ему невкуснымъ, горькимъ, онъ не допилъ и отдалъ ей стаканъ, кривясь и мотая головой. Параскива внимательно смотрѣла на него и говорила, усмѣхаясь:

— Ничего... зато трезвый будешь!..

Она уложила его на постель и прилегла около него, брезгливо ловя плечами, которыя Бабулака гладилъ своими закорюзлыми, шершавыми пальцами. Но его ласки становились все спокойнѣй,

автоматичній, словно у него подъ рукой было не женское плечо, а кусокъ мягкаго атласа. Глаза его теряли маслянистый блескъ, заволакивались какъ-будто сѣрой пленкой, только губы еще сладко жевали. Онъ видѣлъ Параскиву, ея плечи, руки, грудь, хотѣлъ ласкать ее, но пальцы его слабѣли, все тѣло становилось

тяжелымъ, словно наливалось свинцомъ, и вѣки сами собой смыкались... Онъ скоро заснулъ, и Параскива, поднявшись, снова потянулась, заломивъ надъ головой руки и тихонько смѣясь какой-то своей тайной радости...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сельская школа.

Повѣсть Н. В. Успенскаго.

(Окончаніе).

Въ ненастный зимній день, за недѣлю до святокъ, по торговой площади губернскаго города Н., лавируя среди толпившагося народа, медленно двигались маленькія санки, въ которыхъ сидѣлъ, укутавшись въ овчинную шубу, пожилой мужчина съ подстриженной бородой и усами, походившій не то на мѣщанина, не то на деревенскаго лавсчника. Посматривая налѣво и направо, онъ инскливымъ голоскомъ предостерегалъ прохожихъ:

— Эй, господа, поберегитесь, какъ бы не зашибить кого... сударыня... кавалеръ... ваше благословеніе...

Благополучно миновавъ густую толпу народа, проѣзжіи вдругъ поднялся съ мѣста и громко закричалъ:

— Платонъ Ильичъ! Платонъ Ильичъ!

Это восклицаніе заставило одного молодого человѣка, одѣтаго въ драповое пальто, быстро оглянуться и отъ удивленія всплеснуть руками.

— Иванъ Абрамычъ!—въ свою очередь завопилъ онъ на всю площадь и, подбѣжавъ къ путнику, принялся горячо обнимать его.

— Садитесь... поѣдемте къ намъ на святки...

— Да ужъ я дня два подыскиваю попутчика къ вамъ... а вы и сами прикатили... Ну, слава Богу!..

— Только собирайтесь скорѣе... Я совѣмъ на пути... притомъ видите, какая погода-то? Надо торопиться... Гдѣ ваши вещи?

— Omnia mea mecum porto!—весело усмѣхаясь, объявилъ Платонъ Ильичъ.

— Ну, значитъ, ѣдемъ... Садитесь... На выѣздѣ изъ города я дамъ вамъ свою свиту и жену кацавейку...

— Пожалуй, это не мѣшало бы... паръ костей не ломить,—залѣзая въ сани и потирая руками свои побѣлѣвшія отъ холода уши, сказалъ молодой человѣкъ.

— А ужъ какъ жена будетъ рада! Она нарочно наказывала: „Если встрѣтишь въ городѣ брата, то непременно привези его къ намъ на праздникъ“. Ну, какъ себѣ тутъ поживаете? — стегнувъ лошадь кнутомъ, спросилъ Иванъ Абрамычъ.

— Плохо, Иванъ Абрамычъ: кое-какъ пристроился-было у старшаго нотаріуса, да вознагражденіе-то ничтожное... всего девять рублей въ мѣсяць...

— Кхм!.. Какъ тутъ жить при такомъ жалованьѣ да еще въ губернскомъ городѣ! Вамъ бы поступить въ сельскіе наставники... вѣдь вы окончили полный курсъ семинарскихъ наукъ...

— Туда, Иванъ Абрамычъ, надо проситься въ началѣ учебнаго года... Ужъ я куда-куда ни притыкался! Былъ и во временномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, и въ земской управѣ, и въ сиротскомъ судѣ, и въ пробирной палатѣ, и даже въ полиціи... Всѣ мѣста заняты... какъ говорится, нигдѣ комаръ носу не подунетъ... Недавно въ губернскомъ правленіи открывалась вакансія, но безъ протекціи ничего не подѣлаешь... туда опредѣлился родственникъ жены правителя губернаторской канцеляріи... такъ, какой-то недоросль... Ужъ я, знаете ли, чтò хочу сдѣлать? Уйти въ монастырь... право!.. Пѣть, читать умѣю, дрова колотъ мнѣ тоже не привыкать...

— Ну, этого вы не дѣлайте... авось Богъ милостивъ... Развѣ вотъ чтò: не поступить ли вамъ въ адвокаты?

— Для этого, Иванъ Абрамычъ, надо имѣть свидѣтельство отъ окружнаго суда.

— Нѣтъ, я говорю не о заправскихъ адвокатахъ, а про тѣхъ, которые частно практикуютъ, напимѣрь, въ кабакахъ... въ харчевняхъ... Однако непогодка все усиливается... Какъ бы намъ не припоздать... Большой дорогой-то мы проѣдемъ, Богъ дастъ, благополучно; а вотъ какъ свернемъ на проселочную, тутъ маленько будто плохо...

Вскорѣ путники очутились на краю города, близъ питейнаго заведенія, окруженнаго множествомъ крестьянскихъ саней. Платонъ Ильичъ началъ облачаться въ импровизированный костюмъ, а Иванъ Абрамычъ съ полуведернымъ боченкомъ подъ мышкой отправился въ кабакъ. Минуть черезъ десять онъ вышелъ оттуда и объявилъ своему спутнику:

— Ну, вотъ и я! Ужъ и водка здѣсь чудесная! Такъ отнемъ и разливаешь по жиламъ... Кабакъ-то здѣсь хорошій... граничный... Ну, чтò же, вы устроились тутъ?

— Устроился, — глухо произнесъ молодой человѣкъ, закрывъ голову высокимъ воротникомъ свиты.

— Теперь мы дремать не станемъ... вишь, метель какая поднялась... да и на дворѣ ужъ не рано...

Путники снова тронулись въ путь. Проѣхавъ нѣсколько сажень, Платонъ Ильичъ спросилъ:

— Вы, Иванъ Абрамычъ, собственно зачѣмъ же пріѣзжали въ городъ?

— Да по домашнимъ обстоятельствамъ... Надо тоже къ праздничку приготовиться... Свежъ на базаръ парочку утокъ, окорочокъ ветчинки, да купилъ себѣ кое-чего по мелочи: чаю, сахару, водочки, бѣлаго винца для нашей барыни... Она у насъ всегда бываетъ объ святкахъ...

— Чтò у васъ новаго въ селѣ?

— Да чтò новаго? Теперь вездѣ по селамъ толкуютъ объ дяконскихъ мѣстахъ; вы, вѣроятно, слышали объ этомъ... По правдѣ сказать, стѣсненіе не малое будетъ для меня, если къ намъ опредѣлять это (какъ говорили въ старину) пятое колесо въ телѣгѣ... За что, спрашивается, онъ будетъ получать изъ моего дохода шесть копеекъ? Какая-токая у него работа? Во время службы ему придется произнести десять большихъ эктеній, сказать два раза „благослови“, три раза—„вонмемъ“, пять разъ—„премудрость“, одинъ разъ—„приступи“ и одинъ—„повели“. Вотъ и все!.. А во время крещенія младенца ему придется произнести только одну „премудрость“ и одну „вонмемъ“, за каковой трудъ онъ получаетъ изъ 40 копеекъ 17. Съ чѣмъ это сообразно?..

Проѣхавъ верстъ десять отъ города, Иванъ Абрамычъ вдругъ остановилъ лошадь и обратился къ своему спутнику:

— Платонъ Ильичъ, встаньте-ка...

— А чтò?—отвертывая воротникъ, тревожно спросилъ молодой человѣкъ.

— Дѣла-то наши плохи... вѣдь мы сбились съ дороги.

— Чтò вы говорите?

— Да! Вотъ грѣхъ-то!.. Подержите-ка вожжи, я пойду посмотрю дорогу...

Было около восьми часовъ вечера. Съ глухимъ стономъ, напоминавшимъ грозный, несмолкаемый шумъ морскихъ волнъ, бушевала зимняя вьюга, когда наши путники, предоставленные самимъ себѣ, вступили съ ней въ непосильную борьбу...

По направленію къ Алтухину сплошной стѣной, съ пронзительнымъ воемъ и свистомъ, неслась снѣжная пыль, какъ бы угрожая похоронить подъ собою все село. Сильный, порывистый вѣтеръ съ какимъ-то бѣшенымъ неистовствомъ врывался въ переулки между избами, въ скважины плетней, произведя на дворахъ снѣжные вихри, нещадно тормошилъ голыя верхушки деревьевъ, хлопалъ ставнями и жалобно завывалъ въ трубахъ. Во всемъ селѣ не было дома, гдѣ бы не происходилъ печальный, надрывающій душу, разговоръ о трагической судьбѣ тѣхъ злополучныхъ путниковъ, которыхъ случайно застигнула ночная вьюга, неумолимая, какъ сама смерть. Поистинѣ счастливы были тѣ, кто въ эту непогоду находился въ тепломъ углу.

Къ числу такихъ счастливецъ въ данное время принадлежали два старика, сидѣвшіе за скромнымъ ужиномъ въ маленькой каморкѣ съ русской печью, отдѣленной отъ сельскаго училища дощатой перегородкой. Одинъ изъ нихъ былъ церковный сторожъ, другой—школьный, а именно: Родіонъ.

— Федосенчъ, — докторальнымъ тономъ говорилъ послѣдній, прислушиваясь къ бурѣ: — надо еще поблаговѣстить... вишь, пурга-то не унимается...

— Теперь ты ступай, Липатычъ... Я давеча насилу дошелъ до колокольни... Вона какіе сугробы нанесло... ногъ не вытащишь.

Прожевывая хлѣбъ, Родіонъ медленно потянулся съ ложкой къ деревянной мискѣ и сурово проговорилъ:

— Вѣдь ты церковный сторожъ, а не я... Трезвонить — не по моей части...

— Ладно! А если вдругъ безъ меня случится пожаръ?.. Стало бытъ, ты и тогда не полѣзешь на колокольню?..

— Пожаръ—дѣло отдѣльное... Бить въ набатъ всякій имѣетъ праву... а въ ненастье окромѣ церковнаго сторожа никто не смѣетъ благовѣстить...

Не столько убѣжденный, сколько польщенный доводами Родіона, Федосенчъ всталъ изъ-за стола, помолится на образъ и, надѣвъ висѣвшую на крюкѣ шапку, вышелъ изъ школы. Спусти минуту, послышались заунывные, протяжные звуки церковнаго колокола, быстро уносимые порывистымъ вѣтромъ.

Возвратившись въ теплую каморку, Федосенчъ съ одышкой проговорилъ:

— Ну, малый!.. вотъ погодка-то!.. Страсть Господня... Ни какъ, братецъ ты мой, веревку-то въ рукахъ не удержишь: такъ буря и выхватываетъ... Бѣда, ежели теперь кого захватитъ въ дорогѣ...

— Дѣло не хвали, — съ трубкой въ зубахъ влѣзая на печку, подтвердилъ Родіонъ.

Федосенчъ загасилъ лампочку и улегся на скамьѣ. Протяжно зѣвнувъ, онъ спросилъ Родіона съ очевиднымъ желаніемъ возобновить когда-то прерванный разговоръ:

— Такъ у васъ ротный-то былъ того?..

— У-у! не говори, малый... Нонѣ ужъ такихъ нѣтъ... все вывелись... Бывало, на учени или на смотру подойдетъ къ какому-нибудь солдату и крикнетъ: „Ты что такъ каску-то надѣлъ? Впередь! Пятдесятъ розогъ!...“ Подойдетъ къ другому: „Ты что такъ на меня сердито смотришь? Ой! боюсь, боюсь! Онъ меня съѣсть хочетъ... Впередь!...“ Къ третьему: „Ты что это держишь такъ ружье? Сбитень, что ль, продаешь? Сбитню, сбитню горячаго! Впередь!...“ „Ты что не пришилъ пуговицу? Впередь!...“ Нитку у кого увидитъ на мундирѣ—все „впередь!“ А меня-то какъ наказывалъ, доселѣ вспомнить страшно... Били меня и на снѣгу, и на козлахъ, и на тумбѣ, даже сквозь строй гоняли...

— За что же?

— Да видишь ли, пондравилась мнѣ одна дѣвушка. Я присватался къ ней. А ротному командеру она тоже приглянулась. Онъ потребовалъ ее къ себѣ въ услуженіе; она заартачилась, говоритъ: „я просватана“. — „За кого?“ — „За рядоваго Родіона Полѣнова“. Ротный и подумалъ, что она не идетъ къ нему по моему наущенію...

Въ это время раздалась учащенная удары въ окно, и вслѣдъ за ними послышался жалобный голосъ:

— Православные! Отоприте, ради Христа... пустите переночевать...

— Федосенчъ! Слышишь, что ль? — таинственно проговорилъ Родіонъ.—Вѣдь это какой-то съ дороги сбился да на благовѣсто и прѣхалъ... Пойти въпустить?..

— Впусти, малый!... Вишь, что значитъ звонъ-то...

— Зажги проворнѣй лампу...

Вскорѣ Родіонъ встрѣчалъ кого-то въ сѣняхъ, говоря:

— Сюда, сюда пожалуйте...

— А лошадку-то какъ же? — спрашивалъ прѣзжій.

— Поставимъ на мѣсто... не сумлѣвайтесь... у насъ сарайчикъ есть...

— Да и вещи-то кетати выбери... особливо поскорѣй принеси бочонокъ съ виномъ...

— Все сдѣлаемъ, идите въ хату...

Въ школу вошли съ головы до ногъ занесенные снѣгомъ Иванъ Абрамычъ и Платонъ Ильичъ.

Неожиданный прѣздъ незнакомыхъ путниковъ имѣлъ значеніе событія и внесъ небывалое оживленіе въ убогую каюту сторожей, на лицахъ которыхъ выражалось неподдѣльная, искренняя радость и гордое сознание своего подвига въ дѣлѣ спасенія погибавшихъ при помощи церковнаго колокола. Родіонъ Липатычъ простеръ свое радушіе и гостепрѣимство до того, что принесъ изъ сѣней огромную вязанку дровъ и затопилъ въ школѣ обѣ печи, въ которыхъ принялся варить и жарить картофель. Въ свою очередь Федосенчъ, какъ главный виновникъ торжества, почувствовалъ въ себѣ такой приливъ самоотверженія, что досталъ для гостей завѣтный узелокъ съ чаемъ, хранившійся на божничкѣ, и, невзирая на бурю и метель, побѣжалъ на село къ своему куму за самоваромъ, не забывъ по дорогѣ ударить нѣсколько разъ въ колоколь.

Пока дорогіе гости отогрѣвали свои окоченѣвшіе члены около печи, обильный ужинъ и чай были готовы. Само собою разумѣется, что обстоятельная бесѣда началась только тогда, когда откупоренъ былъ винный бочонокъ и стаканъ съ водкой обошелъ всю компанію.

— Такъ это, братцы мои, Алтухино?—общица горячій картофель, съ удивленіемъ говорилъ Иванъ Абрамычъ.—Гм-м... дивны дѣла Твои, Господи!.. Вѣдь это мы, пожалуй, вереть пятнадцать дали крюку...

— Нѣтъ, полагать надо, больше,—возразилъ Родіонъ:—отъ насъ до Брыкунова считается двѣнадцать вереть, да тамъ до Коркина наберется вереть семь...

— А это, вы говорите, сельская школа? — спросилъ сторожей Платонъ Ильичъ.

— Такъ точно, сударь...

— Кто же у васъ здѣсь учителемъ?

— У насъ была учительша, да недавно померла, Царство ей небесное, мѣсто покойное...

Оба сторожа осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

— Хорошая была учительша,—подхватилъ Федосенчъ:—старательная и до дѣтей желанная... да вотъ Богъ не привелъ пожить... а человекъ еще молодой... въ самой порѣ...

— Она здѣсь и померла, въ нашемъ селѣ?—продолжалъ спрашивать молодой человекъ.

— Нѣтъ, въ городѣ, у своей сродственницы... тамъ у ея мужа есть мать, такъ у ней въ домѣ...

— Чѣмъ же она была больна?

— Господь ее вѣдаетъ,—доставая изъ кармана кيسеть съ табакомъ, отвѣчалъ Родіонъ:—ужъ, видно, смерть пришла. Докторъ прѣзжалъ сюда, сказывалъ ея мужу по секрету, что у ней открылась чахотка, и будто бы... (Чудны эти доктора!) эта самая болѣзнь завелась у ней отъ нашего училища...

— Какимъ же это манеромъ?

— Вотъ подите съ нимъ толкуйте! Я здѣсь безъ малаго десять лѣтъ живу и ни разу не хворалъ... Обнаковенно поболить голова, когда лишнее выпьешь... Докторъ сказывалъ, будто здѣсь воздухъ тяжкій, пыль, грязь... то другое... и что здѣсь форто-

чекъ нѣтъ... Да ежели были бы форточки, тогда здѣсь замерзать бы надо, особливо въ такую непогоду, какъ нонѣшняя... А я думаю такъ: эта учительша тѣлосложенія нѣжнаго, стало-быть... (она сама питерская) захворала ни съ чего другого, какъ отъ сильнаго прилежанія... она была такая затыжная въ работѣ... а второе дѣло, съ огорченія, что мужъ очинно выпить любилъ...

— Развѣ онъ тутъ жилъ?

— Какъ же! Вмѣстѣ съ нею... Вѣдь онъ обучалъ ребятъ пѣнію... Ну, работы-то ему, значить, мало было, вотъ онъ, какъ жена пойдетъ въ классъ, сейчасъ ко мнѣ: „Родіонъ! сбѣгай, пожалуста, въ кабакъ!“ Она, сердешная, придетъ изъ класса, а онъ ужъ и лыка не вяжетъ... сколько разовъ она плакала отъ него...

— Вотъ вамъ мѣсто-то... не упускайте случая!—шепнулъ Иванъ Абрамычъ своему спутнику.—Не откладывая дѣла, прямо послѣ святокъ и подавайте прошеніе... Со временемъ поступите въ псаломщики, а тамъ и во дьяконы... Ну, старички почтенные,—торжественно обратился онъ къ сторожамъ:—выпьемъ еще по стаканчику во славу милосерднаго Царя Небеснаго, Который вразумилъ васъ благовѣстомъ церковнаго колокола спасти насъ отъ неминуемой смерти!..

Иванъ Абрамычъ набожно перекрестился на образъ, отвѣсилъ низкій поклонъ старикамъ и залпомъ осушилъ стаканъ.

Въ городѣ N. за „красными рядами“ возвышалось каменное двухъэтажное зданіе, надъ окнами котораго прибита была вывѣска съ надписью: „Русское подворье“. Въ верхнемъ этажѣ этого дома помѣщались номера для „благороднаго сословія“, ежегодно подвергавшіеся болѣе или менѣе кореннымъ преобразованіямъ сообразно съ требованіями цивилизаціи. Несмотря на это, они всегда почти были пусты; развѣ когда-нибудь займетъ комнату сновитый коммерсантъ, какой-нибудь проѣзжій іеродьяконъ изъ святой обители или крупный землевладелецъ, прибывшій на выборы въ земствѣ. Зато нижній этажъ постоянно былъ наполненъ народомъ. Тутъ можно было встрѣтить и молодого ставленника съ женой, и вдовствующую просвирню, тѣтено добывающуюся трехрублеваго пособія изъ консисторіи, и астраханскаго купца-рыбника, и уѣзднаго кулака-мѣщанина, скупающаго и продающаго холстину. Всѣхъ проѣзжихъ привлекали въ нижній этажъ дешевизна и удобство, которыхъ не имѣли другіе постоянные дворы: здѣсь за баснословно дешевую плату можно было сытно пообѣдать за общимъ столомъ, бесплатно переночевать на нарахъ или полатахъ, вдоволь наговориться и послушаться всякаго рода новостей. Кромѣ общей залы, походившей на обыкновенную кухню, въ нижнемъ этажѣ были двѣ комнаты, выходившія окнами на дворъ, и нѣсколько закоулковъ вокругъ массивной печи, изъ которыхъ одинъ только имѣлъ подобіе окна, а все остальные наминали собою темныя „чижовки“ при волостныхъ правленіяхъ: все эти клѣтушки предназначались для людей семейныхъ и достаточныхъ; цѣна за самую лучшую изъ нихъ не превышала двугривеннаго въ сутки. Однимъ изъ главныхъ удобствъ нижняго этажа было постоянное пребываніе въ немъ „аблакаты“, занимавшаго отдѣльную комнату, на двери которой вывѣшено было объявленіе: „Здѣсь даютъ совѣты и составляютъ прошенія за умѣренное вознагражденіе“. Пониже прилѣплено было другое объявленіе отъ самого хозяина дома: „Малоизвѣстныхъ мнѣ лицъ, останавливающихся на моемъ подворьѣ знакомыхъ съ онымъ Прошу Гг. посѣтителей не оброщать никакаго заявленія стороны извозчиковъ: иногда они выражаютъ, что вызвѣстномъ вамъ подворьѣ заняты нумера ивезутъ въ другое подворье, за что они получаютъ свой антиресь съ содержателя извѣстной имъ гостиницы“.

Однажды въ общую комнату нижняго этажа вошелъ одѣтый въ въ волчью шубу какой-то плотный мужчина и обратился съ вопросомъ къ дворнику, сидѣвшему за столомъ:

— Здѣсь живетъ адвокатъ?

— Здѣсь, здѣсь, пожалуй...

— Можно его видѣть?

— Они сейчасъ заняты... Скоро освобонятся.

Не снимая шубы, вошедшій сѣлъ на лавку близъ кабинета адвоката и закурилъ папиросу.

— Вы чьи же сами?—спросилъ дворникъ.

— Винниковскій...

— По дѣлу, али такъ?

— По дѣлу... насчетъ поджога... Мой хуторъ подожгли работники...

— Ахъ, каналы!.. За что же это они такъ?.. Должно, по злобѣ?..

— Конечно, не изъ любви къ хозяину.

— Ужъ и народъ нонѣ сталъ!.. Вольница!..

Между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ кто-то громко говорилъ:

— Ваше дѣло вполне законное... потому жена должна быть при мужѣ... Такъ я и напишу, что „законная жена моя словесно и письменно заявила мнѣ, что никогда не намѣрена жить со мною. Я неоднократно ѣздилъ къ ней, но всякій разъ былъ принятъ ею, какъ совершенно чужой для нея человекъ. Однажды я обратился къ тещѣ съ вопросомъ: скоро ли я могу увидать мою жену? Она съ насмѣшкой отвѣчала: „пожди мало, да будетъ ти много“... Такъ?..

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ другой голосъ.—Еще прибавьте, что на мои миролюбивыя предложенія возвратиться въ домъ моя жена съ гордою улыбкою отвѣтствовала: „нога моя не будетъ въ твоёмъ домѣ!.. Само начальство не принудитъ меня жить съ тобою“... Главное начальство-то упомяните...

— Я такъ и напишу...

— Въ концѣ прошенія изложите такъ: „У меня недостаетъ терпѣнія, чтобы сн и подобныя имъ надругательства надо мною переносить великодушно... Однакоже не злопамятство побуждаетъ меня просить о водвореніи законной моей жены на прежнее мѣстожительство, а токмо желаніе мира и семейнаго счастья, на коемъ зиждется государственный порядокъ...“ И потомъ не забудьте еще прибавить, что я не изгонялъ жены моей изъ своего дома, а она сама обратилась въ бѣгство... по неизвѣстной причинѣ...

— Да, да! Я непременно все это выставлю на видъ... До свиданія... Не забудьте же завернуть къ Пучинородненскому... Вызовите его черезъ сторожа и скажите, что я васъ послалъ... Объясните, въ чемъ дѣло, и всуньте ему малую толику въ руку... Онъ человекъ сильный... а безъ подмазки ваше дѣло можетъ затянуться... Прощайте! Кланяйтесь батюшкѣ...

— Буду кланяться.

Дверь отворилась, и изъ комнаты вышелъ клиентъ съ длинными волосами, а за нимъ и самъ „аблакатъ“, одѣтый въ цвѣтной тарскій халатъ.

Господинъ въ волчьей шубѣ подошелъ къ послѣднему и вдругъ, какъ бы въ испугѣ, отступилъ назадъ и воскликнулъ:

— Ефимъ!..

— А-а! дружище! — въ свою очередь съ удивленіемъ прогово-

рилъ Турмановъ, увидавъ передъ собою Оглобдова...—Прошу покорно... Какими это судьбами ты попалъ сюда?

— Нѣтъ, скажи, ты-то какъ попалъ въ эту мурью?...

— Очень просто, братъ... Нужда загнала... Да я не жалею на судьбу, напротивъ, даже очень доволенъ своимъ положеніемъ: клиентовъ у меня масса... деньги зарабатываю хорошія, такъ что и дѣтямъ помогаю...

— А онѣ гдѣ теперь?

— У бабушки... то-есть у моей матери... учатся въ женской прогимназіи... Развѣ ты этого не знаешь?

— Да я ужъ болѣе года, какъ выѣхалъ совсѣмъ изъ В... и службу бросилъ... Живу теперь на своемъ хуторѣ.

— Вотъ какъ? Ну, а слышалъ, что моя жена-то умерла?

— Да, слышалъ... Жаль бѣдную! Славная была женщина.. Царство ей небесное... свѣтлая была личность...

— Эхъ, Сергій! сгубили мы ее съ тобой...

— Какъ? Чѣмъ сгубили?

— Втиснули ее въ такой вертепъ, гдѣ и я-то отправился-было ad patres... Вѣдь я въ Алтуховѣ совсѣмъ-было спился... Нѣтъ, братъ, для сельскихъ учителей нужна особая порода людей... Мы—баричи, вкусившіе благи цивилизаціи, не годимся для сельскихъ школъ... а вотъ „аблакатство“, „крючкотворство“—это намъ болѣе по нутру.

Золото! Золото!

Растянула кровавыя полосы
По рѣкѣ тихоструйной заря;
Вербъ раскидистыхъ вспыхнули волосы,
Огонькомъ желтоватымъ горя.

Исполнишь ли огромнѣйшимъ молотомъ
Слитки золота въ пыль истолокъ?
Побережье засыпано золотомъ,
Позолоченъ лѣсной уголокъ.

Пышатъ золотомъ въ бѣдномъ селеніи
И избушки и старенькій храмъ,

И пылаетъ оно въ отдаленіи
По отлогимъ, угрюмымъ горамъ.

Золотятся и воды и пажити;
Золотистою пылью густой
Все полно... И невольно вы скажете:
Заколдованный край золотой!

Чувство странное, мысли броженіе
Копошатся въ душѣ безъ конца:
Этотъ блескъ золотой—отраженіе
Мірового златого тельца...

Петръ Быковъ.

Контрабандисты.

Разсказъ Болеслава Пруса. (Съ польскаго).

(Продолженіе).

Несмотря на разнообразнѣйшія чувства, волновавшія Петьку, онъ не терялъ времени. Ощущая жаръ въ головѣ, весь дрожа словно въ лихорадкѣ, онъ быстро раздѣлся, положилъ подъ кустомъ свое платье и безшумно, словно привидѣніе, соскользнулъ въ рѣчку.

Вода почти не плеснула; только на ея поверхности образовалось множество круговъ, которые расходились къ противоположному берегу.

Убѣгавшіе контрабандисты бросили драгоценный ящикъ въ глубокой омутъ, надъ которымъ былъ сильный водоворотъ. Но Петька даже не думалъ о такомъ пустякѣ. Онъ плылъ напрямки и вдругъ нырнулъ, попавъ въ водяную воронку, въ которой клокотала и бурлила стихія. Но, не дойдя до дна, онъ былъ выброшенъ водою на поверхность. Петька подплылъ второй разъ, нырнулъ опять, поймалъ горсть песку, но ящика не нашелъ.

Вода опять выбросила его наверхъ. Онъ доплылъ до берега и, ухватившись рукою за вѣтвь ивы, немного отдохнулъ. Потомъ онъ нырнулъ опять и искалъ ящикъ съ бѣшенымъ упрямствомъ. Контрабандистъ готовъ былъ скорѣе утонуть, чѣмъ выпустить кладъ изъ своихъ рукъ.

Его отчаянные поиски, прерываемые короткими передышками, продолжались съ полчаса. Иногда водоворотъ схватывалъ его съ такою силой, что измученный контрабандистъ кубаремъ шелъ на дно, не будучи въ состояніи противиться стихіи. Кружась въ пучинѣ, онъ не могъ совладать съ легкими и захлебывался. Былъ моментъ, когда Петькѣ показалось, что онъ уже тонетъ...

Несмотря на это, Петька то и дѣло нырялъ, не производя ни малѣйшаго шума, опасаясь даже дышать сильнѣе. Наконецъ, послѣ отчаянной борьбы съ водою, проплывъ нѣсколько шаговъ внизъ по теченію, онъ нашелъ ящикъ!

Но эта находка чуть не стоила ему жизни. Къ счастью, онъ нацупалъ рачью нору, засунулъ въ нее руку и выбрался изъ водоворота. Сидя въ столь неудобномъ положеніи, онъ отдохнулъ, прижимая къ груди драгоценный ящикъ.

Съ радости Петька чуть не сошелъ съ ума. Онъ хотѣлъ куда-то бѣжать, хоть на край свѣта, гдѣ его не замѣтилъ бы ни одинъ человѣческій глазъ, и только тамъ вскрыть ящикъ, продать драгоценности и сдѣлаться важнымъ господиномъ...

Между тѣмъ вода вытекла у него изъ ушей, и Петька услышалъ шорохъ. Онъ напрягъ зрѣніе... По берегу, у того самаго мѣста, гдѣ онъ положилъ платье, расхаживалъ объѣздчикъ!

Петька обомлѣлъ, почти замеръ отъ страха... Неужели жъ его поймаютъ?

Если такъ, онъ лучше погибнетъ, утонетъ, но клада своего не отдастъ!

Наступила продолжительная и страшная пауза. Петькѣ минуты казались часами. Онъ весь дрожалъ и еле сдерживалъ щелкавшіе зубы.

Между тѣмъ объѣздчикъ продолжалъ расхаживать, дѣлая въ ту и другую сторону не болѣе пятидесяти-шестидесяти шаговъ. Соскучившись ночью и одиночествомъ, онъ набилъ трубку табакомъ, закурилъ ее и опять, словно часовой, продолжалъ ходить взадъ и впередъ мимо куста, подъ которымъ Петька спряталъ свое платье. Глядя на это расхаживаніе объѣздчика, Петька воспринялъ духомъ. Конечно, вещи придется оставить на берегу. Пользуясь же тѣмъ, что объѣздчикъ его не замѣтилъ, слѣдуетъ немедленно покинуть опасное сосѣдство, не дожидаясь разсвѣта.

Петька быстро смекнулъ, что ему надо дѣлать, и тотчасъ же привелъ въ исполненіе свой планъ. Лишь только стражникъ шагнулъ вверхъ по рѣкѣ, Петька вошелъ въ воду и безшумно поплылъ внизъ по теченію.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ находился уже на приличномъ разстояніи отъ стражника и смѣло вылѣзъ на берегъ.

Отъ рѣки до мѣстечка было не больше версты, но домъ Петьки находился на противоположномъ краю посада. Контрабандисту пришлось идти по открытому со всѣхъ сторонъ лугу въ адамовомъ одѣяніи, соблюдая при этомъ величайшую осторожность.

Правда, ночь была довольно темная, но всюду расхаживали пограничные патрули.

Петька, зная, что его легко могутъ замѣтить при малѣйшемъ шорохѣ, ложился и ползъ по травѣ. Онъ чуть-было не наткнулся на патруль, попалъ въ канаву, порѣзалъ себѣ въ кровь ноги, убѣгалъ отъ собакъ...

Такимъ образомъ онъ дошелъ наконецъ до мѣстечка, которое надо было обойти задворками, чтобы не попасться на глаза стражнику или кому-либо изъ обывателей. На самомъ краю находился дворъ войта, обнесенный плетнемъ. Нагдй Петька съ трудомъ перелѣзъ черезъ него и попалъ въ крапиву, въ которой долженъ былъ пролежать продолжительное время, пока не умолкнетъ какой-то шорохъ, донесшійся до его слуха.

Наконецъ онъ разглядѣлъ во мракѣ двухъ человекъ, которые старались вдвинуть на старое мѣсто вынутую изъ овина доску. Но это не удавалось имъ, и они, бросивъ доску на землю, пустились бѣжать. Петькѣ показалось, что это были Мошка и Абрумка Цымесы, и что одинъ изъ нихъ несетъ какой-то ящикъ,—повидимому, съ товарами.

При других обстоятельствах контрабандист погнался бы за ворами, чтобы по крайней мере заставить их подлиться до бычей. Но теперь Петька было не до того. Крапива жгла его словно огнем; но, несмотря на это, его до костей пронизывал холод.

Наконец он покинул двор войта и, с быстротою оленя, пробираясь по огородам, достиг своего дома, весь в сединах, обстреканный крапивой и прозябший.

Около пустого хлѣва находилась яма, въ которую нѣкогда сваливали навозъ, и въ которой теперь стояла дождевая вода и плавали всякіе гніющіе отбросы. Петька погрузилъ въ эту яму свой ящикъ, вымылъ у колодца руки и постучался въ окошко.

Въ хатѣ послышался шорохъ.

— Ева! проснись-ка! Отвори дверь! — прохрипѣлъ сонный мужской голосъ.

Вмѣсто отвѣта раздалось громкое храпѣніе.

Петька постучался вторично.

Теперь мужской голосъ произнесъ ругательство. Потомъ закричала скамья, послышалось паденье какого-то предмета, лязнула задвижка, и дверь отворилась.

По ту сторону высокаго порога стоялъ отецъ Петьки, худой старикъ, одѣтый лишь въ длинную посконную рубашку.

Петька хотѣлъ-было войти въ хату, какъ вдругъ отецъ крикнулъ:

— Чтѣ это? Кто это?

— Да я же! — отвѣтилъ Петька и, отстранивъ отца, силкомъ влѣзъ въ избу.

— Чтѣ это ты такой голый? Гдѣ ты раздѣлся?

Петька ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ старикъ зажегъ спичку и засвѣтилъ лампу. Затѣмъ, сердитый и немного испуганный, онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на своего нагого сына.

— Гдѣ ты оставилъ платье?.. Чтѣ это?.. Ты никакъ рехнулся? — спрашивалъ старикъ.

— Платье взяли объѣздки, — мрачно отвѣтилъ сынъ.

— Объѣздки? — повторилъ отецъ. — Ева! — крикнулъ старикъ,

обращаясь къ спавшей женѣ и толкая ее въ плечо: — встань-ка, полюбуйся, въ какомъ видѣ явился этотъ прохвостъ!.. Ты пропилъ платье, собачья твоя душа! Я тебѣ покажу!..

Мать очнулась отъ пьянаго сна и безмысленно глядѣла на Петьку.

— Царица Небесная, — осѣнила она себя крестнымъ знаменіемъ.

Отецъ схватилъ толстый ремень, а сынъ, хотя уже взрослый мужчина, сталъ извиняться и оправдываться:

— Не деритесь, тятенька! Ей-Богу, объѣздки платье взяли..

Старикъ поднялъ ремень и строго спросилъ:

— Гдѣ это они взяли? Говори правду!

— На рѣчкѣ взяли.. Я недавно вылѣзъ изъ воды.

— Чтѣ ты тамъ дѣлалъ? Да правду сказывай..

Петька съ минуту колебался, но потомъ собрался съ духомъ и рассказалъ о найденномъ ящикѣ съ драгоценностями и золотыми часами.

Ремень выпалъ изъ руки старика, глаза котораго загорѣлись фосфорическимъ блескомъ.

— Гдѣ же этотъ ящикъ? — спросилъ онъ уже нѣжнымъ голосомъ. — Покажи-ка мнѣ его.

Но Петька сѣлъ на скамью, покрылся дерюгой и отвѣтилъ:

— Ужъ я самъ продамъ кладъ, а то вы, тятенька, ничего не дадите мнѣ.

— Какъ же такъ не дамъ? — возразилъ старикъ. — Я тебѣ сейчасъ же дамъ.. цѣлковый.

— Нашли дурака тоже.. цѣлковый! — проворчалъ Петька. — Я этотъ ящикъ не отдамъ и за тысячу рублей.

Старикъ скоро сообразилъ, что угрозами ничего не возьмешь, и перемѣнилъ тактику.

— Ну, не будь дуракомъ, — урезонивалъ онъ Петьку: — скажи лишь, гдѣ ящикъ, а то его у тебя могутъ украсть. Мнѣ ничего не надо. Чтѣ твое, то твое.. Ты самъ дашь, сколько тебѣ заблагоразсудится, но такую вещь лучше держать въ хатѣ, въ надежномъ мѣстѣ.

— Я самъ принесу его въ хату, — отвѣтилъ Петька.

Старикъ насупился:

— Какъ же ты голый принесешь его?

— Эка важность! Возьму утромъ изъ каморки праздничное платье..

Не успѣлъ Петька окончить свои слова, какъ отецъ подбѣжалъ къ каморкѣ, заперъ ее и, спрятавъ ключъ, проговорилъ съ насмѣшкой:

— Чорта съ два!.. Сейчасъ!.. Такъ вотъ же, я не дамъ тебѣ платья, пока не скажешь, гдѣ спрятанъ ящикъ!

Теперь Петька понялъ, что стараго скрягу чрезвычайно заинтересовалъ ящикъ.

— Э-э-э! — огрызнулся онъ. — Такъ вотъ вы какой, тятенька? Ничего я вамъ не скажу, пока не продамъ ящикъ.. Вы бы забрали кладъ и спрятали, какъ и свои деньги, въ то время какъ мы съ матерью голодаемъ.

— Бреши, братъ, бреши! — отвѣтилъ старикъ. — Платья я тебѣ не дамъ, и сиди себѣ, посиживай нагишомъ въ хатѣ. А между тѣмъ ящикъ украдутъ у тебя, дурака, и ты пожалѣешь, что не довѣрился родному отцу.

Мать съ любопытствомъ прислушивалась къ этому спору, но потомъ ее одолѣлъ сонъ, и она вскорѣ громко захрапѣла.

Старикъ погасилъ лампу и тоже влѣзъ подъ тулупъ. Петька, немного подумавъ, завернулся плотнѣе въ дерюгу, но долго ворочался съ боку на бокъ и никакъ не могъ заснуть.

Раннимъ утромъ скряга вышелъ на развѣдки, предполагая, что, въ качествѣ стараго контрабандиста, онъ нападетъ на слѣдъ. Степенно, не торопясь, онъ поплелся на рѣчку, шнырялъ между вербами, нашелъ въ одномъ мѣстѣ, противъ водоворота, слѣды объѣздки — и больше ничего.

„Ловкій, шельма! — подумалъ онъ про сына. — Везетъ ему.. Я пятьдесятъ лѣтъ не покладалъ рукъ, и только одинъ разъ мнѣ посчастливилось найти двадцать червонцевъ при покойникѣ.. А у него цѣлый ящикъ съ драгоценностями!.. Если его не обмануть еврей, онъ будетъ ясновельможнымъ паномъ, а родителей и знать не захочетъ..“

И при одной лишь мысли о предполагаемой нечестивости сына старикъ раскисъ до того, что его глаза наполнились слезами. Однако онъ рѣшилъ во что бы то ни стало найти ящикъ и взять его на свое попеченіе.

Послѣ ухода отца Петька рассказалъ матери, что онъ нашелъ сокровище, которое спрятавъ въ надежномъ мѣстѣ, что отецъ хочетъ отнять у него ящикъ и потому заперъ на замокъ каморку, гдѣ хранится праздничное платье. Разказавъ все это, онъ попросилъ мать сходить къ братьямъ Цымесамъ и взять у нихъ въ долгъ какую-нибудь одежду.

Почтенная жеѣщина расчувствовалась, слушая разказъ о предполагаемомъ обогащеніи сына. Она поцѣловала Петьку и, поднявъ руки вверхъ, слезливымъ голосомъ спросила:

— Но ты, сынокъ, не откажешься отъ своей матери?

Петька пожалъ плечами.

— И будешь каждый день ставить бутылку кюммеля? Я вѣдь старуха, уже стыну, мнѣ надо чего-нибудь горяченькаго, а чай мнѣ не по карману..

— Ладно, ладно! — перебилъ ее Петька. — Все будетъ хорошо, а теперь мчитесь къ евреямъ и тащите мнѣ платье! А то вѣдь мнѣ нельзя выйти изъ хаты.

Братъ Цымесы сидѣли на скамейкѣ у лавочки, какъ къ нимъ подошла мать Петьки и потребовала платье. Сдѣлала это она со столь таинственной физиономіей, что братья сочли нужнымъ поднести ей стаканъ водки.

Тогда баба съ величайшими осторожностями, обиняками дала имъ понять, что нынѣшней ночью Петька нашелъ кладъ, изъ-за котораго ему пришлось вернуться домой нагишомъ.

Разказъ заинтересовалъ братьевъ. Мошка услалъ Абрумку за вещами, а самъ со старухой отправился къ Петькѣ.

Еле переступивъ порогъ, онъ закричалъ:

— Чтѣ это значитъ, Петька? Чтѣ ты нашелъ? Вѣдь ты хорошо знаешь, что мы — компаніоны и всебъ дѣлимся пополамъ. Кромѣ того, ты намъ не мало долженъ!

— Черезъ два-три дня я отдамъ свой долгъ, — отвѣтилъ Петька, стараясь прикрыть свою наготу дерюжкой.

— Чтѣ ты отдашь? — кипятился Мошка. — Ты отдай намъ товаръ, потому что его потеряли наши! Смотри, какъ бы у тебя не вышло большой неприятности!..

Петьку взорвало:

— Не бреши, еврей, зря! То, чтѣ я нашелъ, потеряли не наши, а тѣ, на которыхъ вчера дѣлали на границѣ облаву. Впрочемъ, это всебъ и не товаръ, а драгоценности и часы.

Еврей даже подпрыгнулъ, услыхавъ Петькину отповѣдь.

— Драгоценности?.. часы?.. — переспросилъ онъ. — Да чтѣ ты сдѣлаешь съ ними? Ты отдай лучше намъ, мы и продадимъ. А то вѣдь ты попадешься..

Слова еврея возмутили Петьку:

— Коли такъ, убирайся вонъ отсюда, еврей! А если будете приставать ко мнѣ, снесу на таможеню и на васъ же сдѣлаю доносъ!

— Чтѣ это панъ Петръ такъ разсердился? — проговорилъ еврей, вдругъ рѣзко измѣняя тонъ. — Не хотите принять насъ въ компанію — не надо. Вы можете, панъ Петръ, поступить съ находкой по своему усмотрѣнію, а я.. я сейчасъ принесу сюда платье. Можетъ-быть, Абрумка уже нашелъ, чтѣ надо..

Сказавъ это, Мошка покинулъ избу и помчался къ брату.

— Петька нашелъ большое богатство! — сказалъ онъ Абрумкѣ. — Его надо сейчасъ же обыскать. Идемъ къ войту!

Абрумка хотѣлъ удержатъ Мошку:

— Какъ же мы пойдемъ теперь къ войту? Вѣдь мы были у него сегодня ночью..

— Это ничего не значитъ, — перебилъ его Мошка.

И они немедленно помчались въ гминную канцелярію. Когда писарь ввелъ ихъ въ отдѣльную комнату, Мошка спросилъ:

— Знаете ли вы, панъ писарь, для кого приговоренъ шелкъ, который мы дали вамъ спрятать? Но только никому не скажите.

— Для кого приговоренъ?.. Никому не скажу! — увѣрилъ Мошку писарь.

— Вотъ видите ли, панъ писарь, онъ приговоренъ для начальника уѣзда! А теперь вотъ начальникъ прислалъ одного еврейчика съ приказомъ доставить шелкъ въ три мига. Вотъ мы и пришли за нимъ къ пану писарю.

— Вѣдь я же говорилъ вамъ, что отдалъ его спрятать войту.

— Это вѣрно, но безъ васъ, панъ писарь, войтъ не дастъ намъ его и понюхать, — возразилъ Мошка.

— Ну, что же, пойдёмъ къ войту,—сказалъ маленькій писарь, вооружаясь гигантской дубиной и надѣвая величественную шляпу.

Войдя во дворъ войтовой колоніи, писарь и Цымесы застали войта и его жену около овина съ весьма озабоченными фізіономіями. Старуха даже плакала.

Глядя на эту сцену, Абрумка локтемъ толкнулъ Мошку и улынулся. Братьямъ хорошо была известна причина озабоченности войта и его жены.

Увидавъ прибывшую компанію, войтъ громко сказалъ:

— Ну, панъ писарь, угодили же вы мнѣ вашимъ тюкомъ! Сегодня ночью его украли у меня.

— Да что вы говорите, панъ войтъ?—изумился писарь.

Мошка и Абрумка стали причитать.

— Какъ же намъ быть теперь? — скулилъ Мошка. — Какъ на грѣхъ, начальникъ только-что прислалъ за шелкомъ...

Войтъ окаменѣлъ.

— Но вѣрно ли, что шелкъ украденъ?—допытывался писарь.— Вѣдь никто же не зналъ, куда вы его спрятали...

Мошка сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Виноватъ,—сказалъ онъ:—не украсть ли Петька-контрабандистъ? Сегодня ночью онъ контрабанду не носилъ, но куда-то ходилъ все-таки и потерялъ платье. Теперь онъ лежитъ въ хатѣ голый, и я думаю, что если бы сдѣлать у него обыскъ, то шелкъ, пожалуй, найдется.

И войтъ и писарь, не долго думая, приняли предложеніе Мошки.

— Обыщемъ его хату,—рѣшилъ войтъ.

— Пойдемъ,—сказалъ писарь.

— Но вы только не торопитесь, господа, — почтительно замѣтилъ Мошка.—Такія дѣла надо дѣлать осторожно, да притомъ мы не желаемъ, чтобы онъ зналъ, что мы бросили на него подозрѣніе. Поэтому я съ братомъ пойду впередъ съ платьемъ, а вы, господа, придете черезъ полчаса. Можетъ-быть, что-нибудь тамъ и найдется.

Войтъ и писарь признали резоннымъ это замѣчаніе.

Братя Цымесы побѣжали въ свою лавочку, взяли какое-то подержанное платьѣ и отправились къ Петькѣ, радуясь, что все идетъ, какъ по маслу.

По дорогѣ они составили планъ дѣйствій. Шелка, конечно, войтъ у Петьки не найдетъ: вѣдь они сами украли его; но имъ нужно было узнать, гдѣ находится драгоценный ящикъ, найденный контрабандистомъ. Они хорошо знали горячій темпераментъ Петьки и рассчитывали на то, что, лишь только войтъ и писарь во время обыска наткнутся на мѣсто, гдѣ спрятанъ ящикъ, парень сдѣлаетъ имъ скандалъ. Тогда Цымесы припомнятъ войту, что такой обыскъ противозаконенъ, и сокровище будетъ сохранено для нихъ.

Дѣйствительно, едва они прибыли въ хату Петьки, отдали ему платьѣ и стали разспрашивать о богатой находкѣ, какъ на дворѣ появились войтъ и писарь.

Оба должностныхъ лица немедленно вошли въ хату, и начался допросъ.

— Гдѣ ты, Петька, былъ этой ночью?—спросилъ его войтъ.

— А вамъ какое дѣло?—дерзко отвѣтилъ контрабандистъ, немного смутившись.

— А такое, что тебя подозрѣваютъ въ кражѣ кое-какихъ вещей,—сказалъ войтъ.—Сознайся сразу и отдай похищенное, — тѣмъ дѣло и кончится.

Петькой овладѣло смущеніе.

— Накажи меня Богъ,—вскричалъ онъ, ударяя себя въ грудь:—если я украсть что-либо! Впрочемъ, ищите и, если найдете что-либо чужое, можете арестовать меня и отправить въ тюрьму. Вѣрно говорю вамъ.

Въ свою очередь, и войта и писаря смутилъ увѣренный тонъ Петьки. Евреи же рѣшили, что контрабандистъ не держитъ ящика въ хатѣ, если не боится обыска.

— Можетъ-быть, ты и не украсть ничего,—сказалъ войтъ:—но все-таки скажи намъ, гдѣ ты былъ сегодня ночью?

Петька рѣшился быть откровеннымъ.

— Скажу,—твердо проговорилъ онъ.—Я былъ на границѣ и нашелъ нѣчто. Но то, что я нашелъ, не принадлежитъ никому изъ здѣшнихъ, а нѣмцамъ, которые убѣгали и бросили... Находку же свою я спряталъ въ такое мѣсто, что ее не найдетъ самъ чортъ. А теперь обыскивайте!—кончилъ онъ свое признаніе.

Войтъ и писарь переглянулись, покачали головами и рѣшили бросить это дѣло. Они поняли, что Петька говоритъ правду, и что шелка у него они не найдутъ.

Евреи насупились.

Уже всѣ хотѣли расходиться, какъ вдругъ на дворъ вошли два объѣздчика.

— Эй, Петька!—крикнулъ одинъ изъ нихъ.

Контрабандистъ вышелъ къ нимъ блѣдный, какъ полотно.

— Ты былъ сегодня ночью на границѣ, былъ даже въ рѣкѣ... Не отпѣкивайся, мы нашли твое платье.

— Ну, да, былъ въ рѣкѣ!—дерзко отвѣтилъ Петька.

— Что ты тамъ дѣлалъ?

— Раковъ ловилъ.

— Раковъ? — со смѣхомъ переспросилъ объѣздчикъ. — Пойдемъ-ка, братъ, съ нами на кордонъ,—ты тамъ объ этихъ ракахъ расскажешь больше.

— Отчего бѣ и не пойти?... Пойдемъ,—отвѣтилъ контрабандистъ.

Войтъ, писарь и оба еврея смотрѣли на сцену эту со страхомъ потому что у каждаго изъ нихъ было рыльце въ пушку.

Контрабандистъ вернулся въ хату за шляпой. На ходу онъ взялъ мать за руку и шепнулъ ей:

— Мама, побойтесь, что никому не скажете и сами не тронете моего ящика!

— Богъ мнѣ свидѣтель, не скажу никому! — поклялась, всхлипывая, старуха.

— Ящикъ лежитъ въ навозной ямѣ около хлѣва. Но никому, мать, никому ни слова. Ни отцу... и сами не смѣйте трогать.

— Клянусь тебѣ ранами Исуса!

Разговоръ этотъ былъ очень коротокъ, но братья Цымесы замѣтили его и сейчасъ же смекнули, что бабѣ известно, гдѣ спрятанъ ящикъ.

Петька вышелъ на дворъ и съ молодцоватымъ видомъ отправился съ объѣздчиками. За ними издалека слѣдовали Мошка и Абрумка, а войтъ съ писаремъ пошли въ канцелярію, разочарованно покачивая головами.

— Что-то теперь будетъ, что-то будетъ?—шепнулъ войтъ.

— Пропадемъ,—пробормоталъ писарь.

— Я-то за что?... Что-то будетъ со мною?—твердилъ войтъ.

— Что будетъ съ вами? Васъ смѣтятъ. Но я-то за что буду въ отвѣтѣ?—вздыхнулъ струхнувшій писарь.

Уже возвращаясь домой, отецъ Петьки узналъ, что его сына арестовали объѣздчики. Старикъ влетѣлъ въ хату злой, какъ чортъ, и сразу набросился на жену, громко крича:

— Ты знаешь, вѣдьма, куда онъ спряталъ ящикъ! Сейчасъ же сказывай, не то разобью твою дурацкую башку!

— Знать не знаю,—отвѣтила баба.

— Какъ не знаешь? Онъ навѣрно сказалъ тебѣ,—вѣдь онъ твой любимчикъ!.. Сказывай, а то, пока негодяй вернется домой, у него украдутъ такое богатство! По цѣлому мѣстечку люди шепчутся, что Петька нашелъ какой-то драгоценный ящикъ, и навѣрно уже не одинъ зарится на наше добро.

Старый скряга разсвирѣпѣлъ до послѣдней степени. Глаза его налились кровью, жилы на лбу вздулись. Онъ топалъ ногами и кричалъ:

— Сказывай, гдѣ ящикъ, не то!..

— Не знаю,—стояла на своемъ баба.

Взбѣшенный старикъ схватилъ жену за волосы и сталъ бить ее палкой. Потомъ, поваливъ старуху на землю, онъ истопталъ ее ногами. Жестоко избивъ бѣднягу, старый контрабандистъ выбѣжалъ на дворъ, разбросалъ кучу хвороста, перевернулъ въ хлѣвѣ навозъ вилами, наконецъ принялся длиннымъ шестомъ ударять по дну колодца,—но все было напрасно. Ящика онъ такъ и не нашелъ.

Старикъ вернулся въ хату и еще сильнѣе избилъ жену. Пожалуй, онъ убилъ бы ее, если бы, къ счастью, не пришелъ Мошка.

— Что вы дѣлаете, Янъ!—воскликнулъ еврей.

Контрабандистъ немного опомнился.

— Бабу бью,—сказалъ онъ:—чтобы созналась, гдѣ спрятанъ ящикъ, найденный Петькой.

Еврей пожалъ плечами:

— Какъ же она сознается, если ей самой ничего не известно?

Избитая, залитая кровью баба поднялась съ земли, съ благодарностью глядя на Мошку.

— А ты почему знаешь, что ей ничего не известно?—спросилъ Янъ.

— Знаю отъ Петьки,—отвѣтилъ Мошка.—Петька никому не говоритъ своихъ секретовъ... А какъ онъ ловко объясняется на кордонѣ... Подумаешь: раза четыре сидѣлъ въ тюрьмѣ, если не больше. Это умный мальчикъ. Да, да. Развѣ онъ скажетъ бабѣ, да еще всегда пьяной, о своемъ ящикѣ?

Гнѣвъ старика улегся, и въ душѣ онъ призналъ убѣдительными доводы Мошки. Конечно, правда. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ Петька посвятить въ свою тайну пьяницу, хотя она ему мать, и хотя онъ якобы любитъ ее.

Согласившись съ Мошкой, скряга покинулъ домъ и пошелъ на лугъ, размышляя, гдѣ бы однако могъ находиться ящикъ?

Послѣ ухода старика Мошка вынулъ изъ кармана сороковку водки и сказалъ бабѣ:

— Петька кланяется вамъ (я только-что видѣлся съ нимъ на кордонѣ). Онъ посылаетъ со мною сороковку и проситъ, чтобы вы ничего не говорили объ ящикѣ старику.

— Скажу ему на томъ свѣтѣ,—проворчала баба, смакуя водку.

— Еще Петька проситъ, чтобы вы неослабно смотрѣли за ящикомъ день и ночь. А то люди уже знаютъ о находкѣ и могутъ украсть.

— Конечно, присмотрю,—пробормотала старуха.

Надо замѣтить, что Мошка вралъ словно по особому заказу: съ Петькой онъ не видѣлся, водку бабѣ купилъ самъ и такимъ образомъ закинулъ удочку, на которую и поймалъ старуху.

Теперь ему оставалось лишь слѣдить за бабой, и Мошка былъ увѣренъ, что она сама своей преувеличенной заботливостью о сохранности ящика вѣрнѣе всего укажетъ къ нему путь.

Дѣйствительно, Мошка попрощался съ Петькиной матерью и пошелъ якобы въ мѣстечко. Но векорѣ онъ вернулся назадъ и, спрятавшись за какимъ-то полуразрушеннымъ амбаромъ, сталъ наблюдать.

Векорѣ Мошка замѣтилъ, что баба сидитъ у окошка и глядитъ на дворъ.

Не находился ли ящикъ именно на дворѣ?

Вскорѣ это предположеніе Мошки перешло въ увѣренность: старуха вышла изъ хаты и стала бродить по двору, все болѣе приближаясь къ выгребной ямѣ. Наконецъ, оглянувшись кругомъ, она взяла жердь и стала взбалтывать ею вонючую жидкость.

Мошка, увидавъ это, пошелъ домой. Онъ зналъ уже все.

Вскорѣ въ хату контрабандистовъ пришелъ Абрумка и, подозрѣвавшись съ бабой, спросилъ:

— Передавалъ вамъ Мошка что-нибудь отъ Петьки?

— Передавалъ.

— А водку принесъ вамъ?

Баба, уже полупьяная, отвѣтила:

— Никакой водки я и видать не видала.

— Ну, такъ получайте,—сказалъ Абрумка, вынимая изъ кармана тоже сороковку.—Петька велѣлъ каждый день носить вамъ водку и просилъ, чтобъ у васъ всего было вдоволь. Вѣдь онъ нашъ компаніонъ, и мы обязаны помочь ему въ бѣдѣ.

Такимъ образомъ Абрумка около часа болталъ съ бабой, то и дѣло поглядывая въ окно. Мимо хаты контрабандистовъ не проходилъ никто. Вдругъ матери Петьки показалось, что во дворъ прошмыгнулъ Мошка. Но такъ какъ, разговаривая съ Абрумкой, старуха то и дѣло прикладывалась къ бутылкѣ, то, желая теперь взглянуть на дворъ, она зашаталась и упала на скамью. Минуту спустя, баба уже громко храпѣла.

Она спала два-три часа. Въ это время мужъ заглянулъ въ хату, вылилъ на нее пару гарнцевъ холодной воды и опять потащился искать найденный сыномъ кладъ.

Наконецъ баба, мокрая съ головы до ногъ, немного протрезвилась. Она зѣвнула, потянулась и вышла на дворъ. Пользуясь тѣмъ, что на улицѣ никого нѣтъ, она подошла къ выгребной ямѣ и стала на днѣ ея искать жердью драгоценный ящикъ.

Она тыкала жердью тутъ и тамъ, взбалтывала помон, обрызгала ими себя, но ящика не нащупала.

Ее обуялъ страхъ, и, уже совершенно трезвая, она влѣзла въ яму по поясъ и стала руками искать ящикъ въ отвратительной жидкости.

Нѣтъ ящика. А вѣдь еще утромъ онъ былъ здѣсь. Онъ былъ, она отлично помнитъ это, сама дотрагивалась до него жердью.

За этими поисками ее засталъ мужъ. Баба вся дрожала отъ волненія.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — изумился старикъ.

— Петькинъ ящикъ укралъ кто-то,—отвѣтила она измѣнившимся голосомъ.

— Укралъ! — пронзительно вскрикнулъ старикъ.—Укралъ Петькинъ ящикъ! А ты знала, гдѣ онъ, и не сказала, что онъ здѣсь, въ этой ямѣ!

И, ошалѣвъ отъ гнѣва, онъ вихремъ влетѣлъ въ хату, схватилъ топоръ и хотѣлъ убить имъ жену. Но баба по глазамъ мужа замѣтила сразу, что дѣло неладно. Выкарабкавшись изъ ямы, она, пропитанная зловонной жидкостью, бросилась бѣжать.

Старикъ запустилъ въ нее топоромъ, но топоръ не долетѣлъ. Баба же мчалась въ мѣстечко съ быстротою молоденькой дѣвушки.

Скряга потерялъ всякое самообладаніе и остатки разума. Онъ поднялъ топоръ, вернулся съ нимъ въ хату и сталъ все рубить—окна, скамейки, полки съ посудой, кровать.

— Укралъ ящикъ! Драгоценный ящикъ укралъ! — кричалъ онъ дикимъ голосомъ.

Наконецъ, въ порывѣ величайшаго отчаянія, онъ схватилъ валающуюся въ углу веревку, закинулъ ее на перекладину, влѣзъ на столъ, надѣлъ петлю на шею и прыгнулъ...

Но веревка, повидимому, гнилая, оборвалась, и скряга, упавъ на полъ, вывихнулъ себѣ ногу.

И вмѣсто того, чтобы подробно излагать предъ Всевышнимъ Судьею мотивы самоубійства, старый контрабандистъ лежалъ на полу и вопилъ отъ боли во всю глотку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Прозрачные препараты.

(Съ 5 рис. на этой стр.)

Послѣ знаменитаго открытія профессора Рентгена бесполезно было бы распространяться о научномъ и практическомъ значеніи всякаго способа видѣть насквозь непрозрачныя тѣла. Лучами

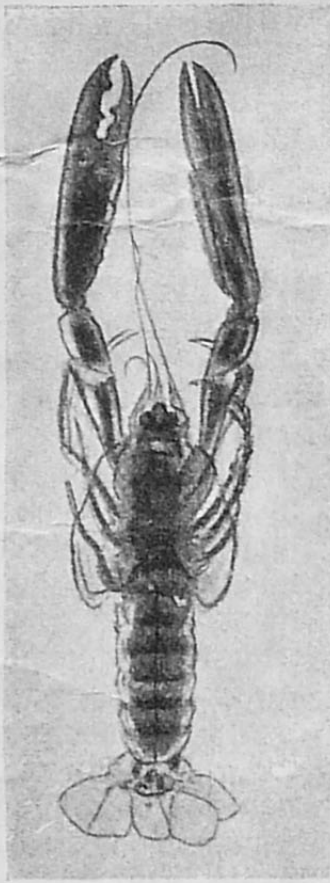
Рентгена, какъ извѣстно, воспользовалась не только медицина, но даже и таможня. Не прибѣгая къ не деликатному ощупыванію и раздѣванію подозрѣваемыхъ въ контрабандѣ представительницъ прекраснаго пола, таможенные чины просто-напросто разсматриваютъ ихъ при Рентгеновскихъ лучахъ насквозь, и предательскія излученія обнаруживаютъ „сокрытое“ подъ одеждою лучше всякаго ощупыванія и невѣжливаго разоблаченія.

Лучи Рентгена имѣютъ за собою то преимущество, что они вполне примѣ-

нимы къ живымъ существамъ. Но у нихъ есть и свои невыгодныя стороны, ограничивающія ихъ примѣненіе. Обращеніе съ ними небезопасно, и нельзя ими злоупотреблять, т.-е. часто и подолгу

подвергаться ихъ дѣйствію. Кромѣ того, они требуютъ особыхъ, сложныхъ и не дешевыхъ, приборовъ и умѣнья съ ними обращаться. Поэтому недавно предложенный профессоромъ Карломъ Шпальтегольцемъ способъ пропитыванія предметовъ особыми веществами, отъ которыхъ они становятся прозрачными, сразу обратилъ на себя вниманіе ученаго міра.

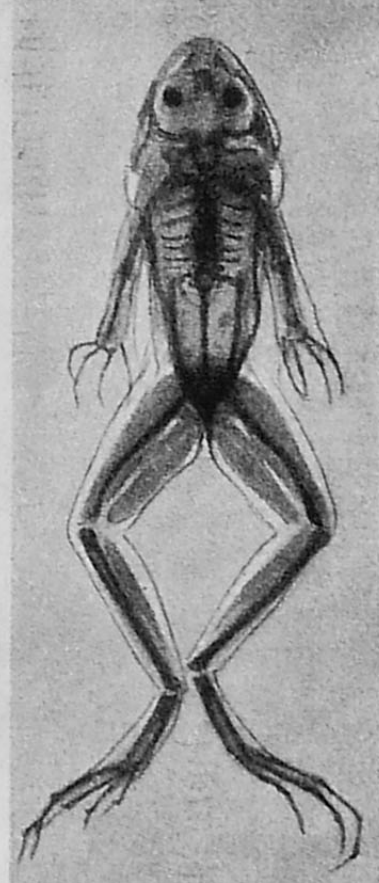
Способъ пропитыванія для прозрачности извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ. Кому не извѣстна, напр., прозрачная бумага, пропитанная во-

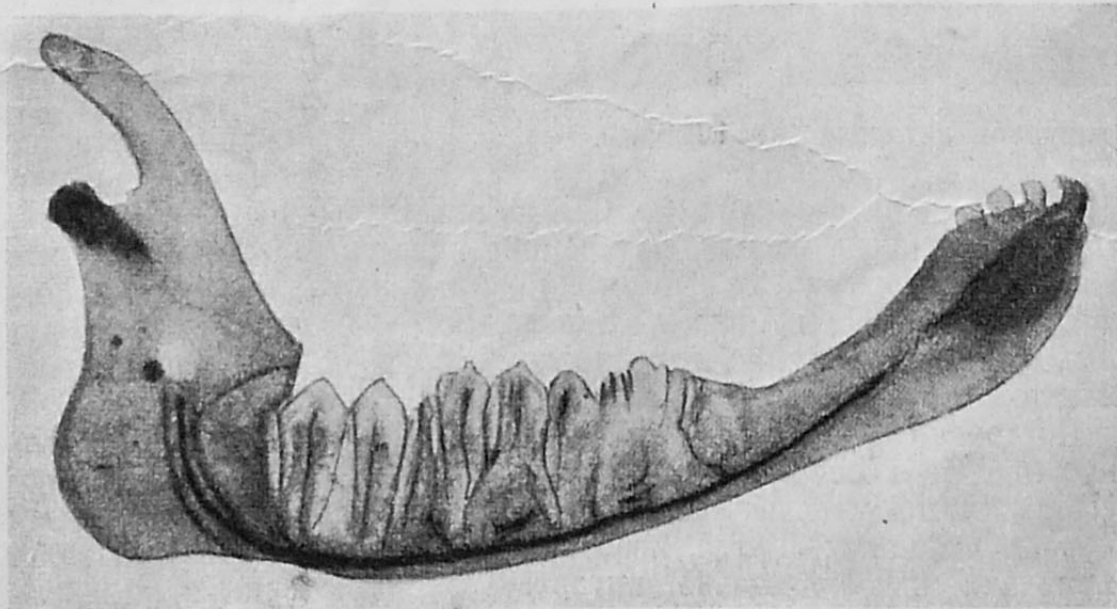
Прозрачный ракъ, обработанный по способу Шпальтегольца.

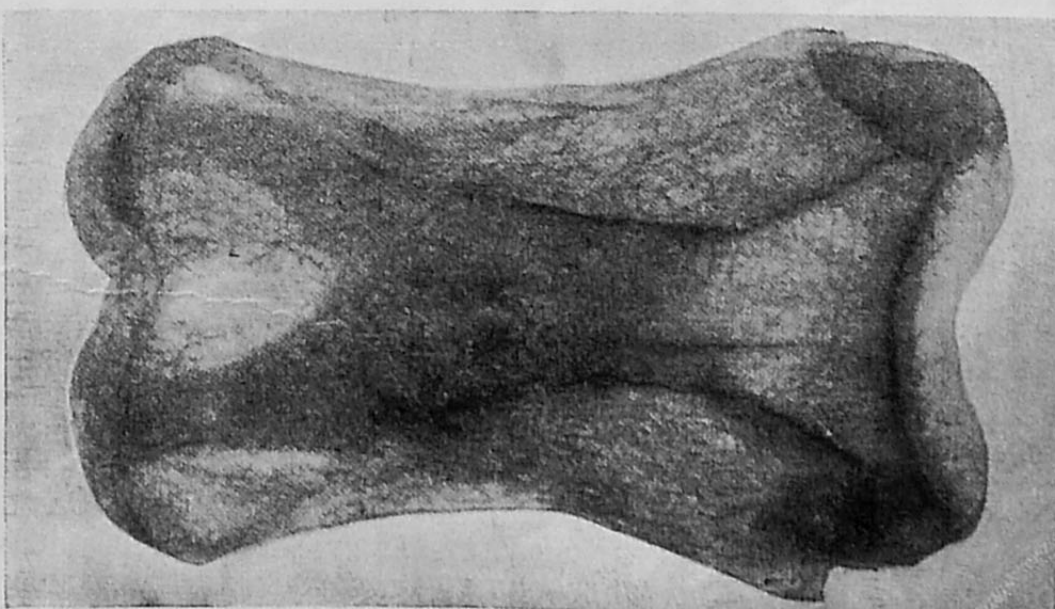
Деревянная пластинка, сдѣланная прозрачною по способу Шпальтегольца; сквозь нее ясно видно слово, написанное на бумагѣ.

Лягушка, обработанная по способу Шпальтегольца.

Челюсти овцы, обработанныя по способу Шпальтегольца; на препаратѣ ясно видны нервы, идущіе къ зубамъ.

Кость, обработанная по способу Шпальтегольца; на препаратѣ ясно видно все внутреннее строеніе кости.

Прозрачные препараты профессора Шпальтегольца.

скомъ или парафиномъ? Еще успѣшнѣе дѣйствуетъ пропитываніе маслянымъ лакомъ или просто масломъ, особенно густымъ, напр., касторовымъ. Способъ-то былъ хорошо извѣстенъ, но надо было его разработать, довести до совершенства, устранить всѣ его неудобства, словомъ—сдѣлать его практически пригоднымъ, удобопримѣнимымъ. За это и взялся профессоръ Шпальтегольцъ.

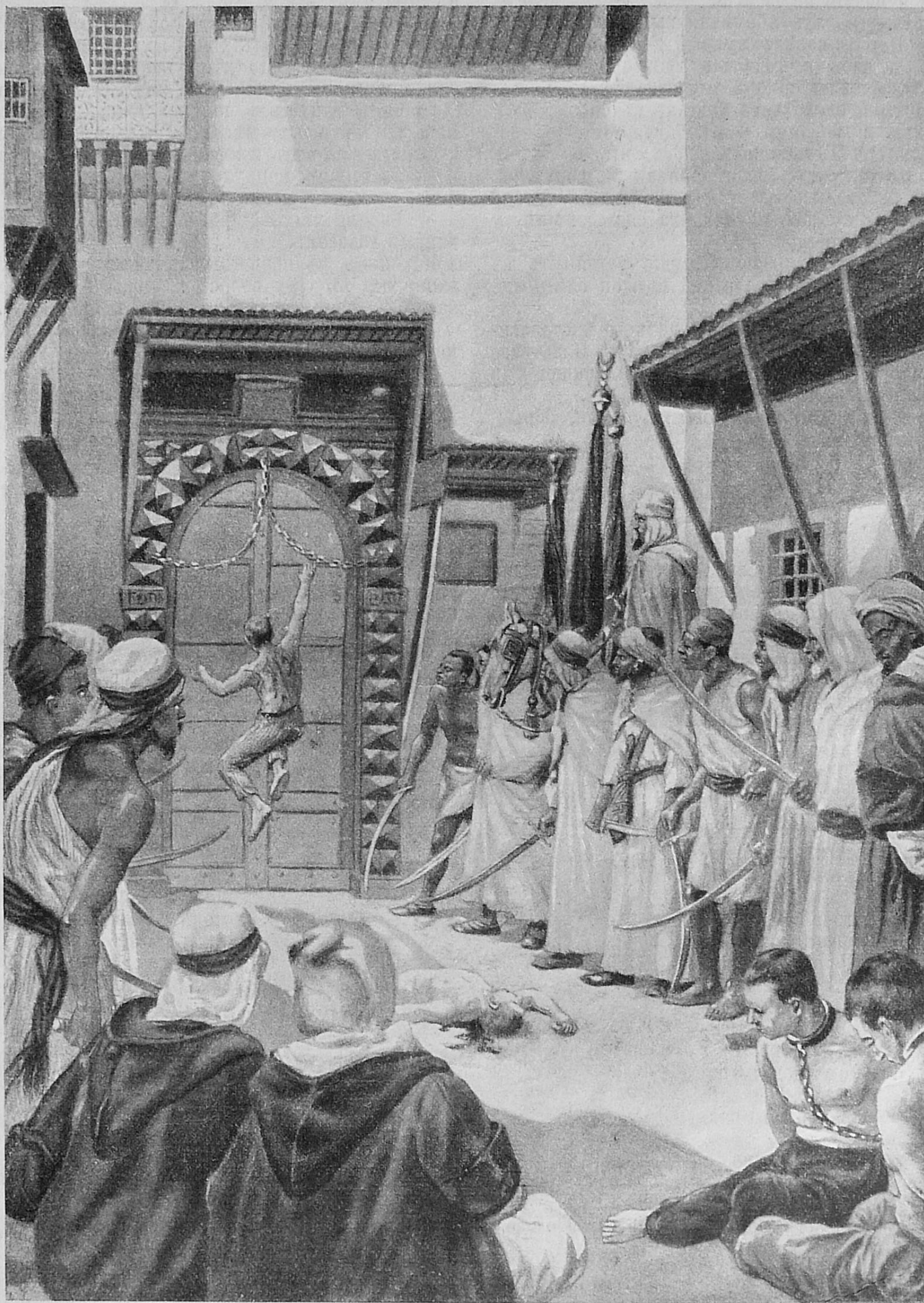
Прозрачность отъ пропитыванія основана на разницѣ въ свѣтопреломляемости тѣлъ. Какъ извѣстно изъ физики, лучъ свѣта, проходящій черезъ тѣла подъ угломъ, не въ одинаковой степени отклоняется ими отъ прямого направленія. Этотъ уголъ отклоненія выражается для разныхъ тѣлъ разными цифрами и называется показателемъ преломленія данного тѣла. Если показатели преломленія двухъ тѣлъ одинаковы, то они совершенно сливаются одно съ другимъ, если же различны—то они ясно видны одно въ другомъ. Нагляднѣйшимъ примѣромъ перваго случая могутъ служить стекло и перувианскій бальзамъ. Этотъ бальзамъ, будучи налитъ въ стеклянную посуду, совершенно съ нею сливается: посуда и жидкость кажутся сплошною массою. Еще нагляднѣе это проявляется, если въ перувианскій бальзамъ опустить стеклянную палочку или трубку: погружаясь въ бальзамъ, она совершенно исчезаетъ изъ глазъ, ее становится не видно; видна ея верхняя часть, остающаяся въ воздухѣ, а нижняя, въ жидкости, совершенно невидима и неразличима даже при движеніи.

Понятно, что можетъ произойти при пропитываніи предмета хорошо подобраннымъ къ нему прозрачнымъ веществомъ. Предметъ сложнаго состава, напр., часть животнаго тѣла, состоитъ изъ разныхъ веществъ, съ разными показателями преломленія. Представимъ себѣ, что намъ удалось подобрать жидкость, которая, во-первыхъ, способна пропитать все это тѣло насквозь, до мельчайшихъ его скважинъ и частицъ, и, во-вторыхъ, обладаетъ одинаковымъ показателемъ преломленія съ главною, основною массою пропитаннаго ею тѣла. Тогда эта основная масса образуетъ одно слитное цѣлое съ пропитывающею жидкостью, и на этомъ прозрачномъ или просвѣчивающемъ фонѣ ясно выдѣляются части, обладающія другими показателями преломленія. Тѣло сдѣлается видимымъ насквозь.

Оставалось найти именно эти пропитывающія жидкости, и Шпальтегольцъ нашелъ ихъ путемъ продолжительныхъ опытовъ. Главными составными частями такой протравы служатъ скипидаръ, затѣмъ разные такъ называемыя летучія масла (вещества въ большинствѣ одинаковаго состава со скипидаромъ) и прозрачныя

смолы въ родѣ упомянутого нами перувианскаго бальзама. Показатели преломленія у нихъ очень близкіе между собою, притомъ всѣ эти вещества легко и свободно смѣшиваются одно съ другимъ. Составляя изъ нихъ смѣси, Шпальтегольцъ получалъ жидкости, посредствомъ которыхъ съ поразительнымъ успѣхомъ дѣлалъ просвѣчивающими насквозь самыя, такъ сказать, безнадежныя предметы, какъ, напр., кости, дерево и цѣлыя тѣла животныхъ, конечно, небольшихъ—рыбъ, крысъ, раковъ.

Объ успѣшности способа, изобрѣтеннаго Шпальтегольцемъ, можно себѣ дать отчетъ по помѣщеннымъ на стр. 519 рисункамъ. Здѣсь еще

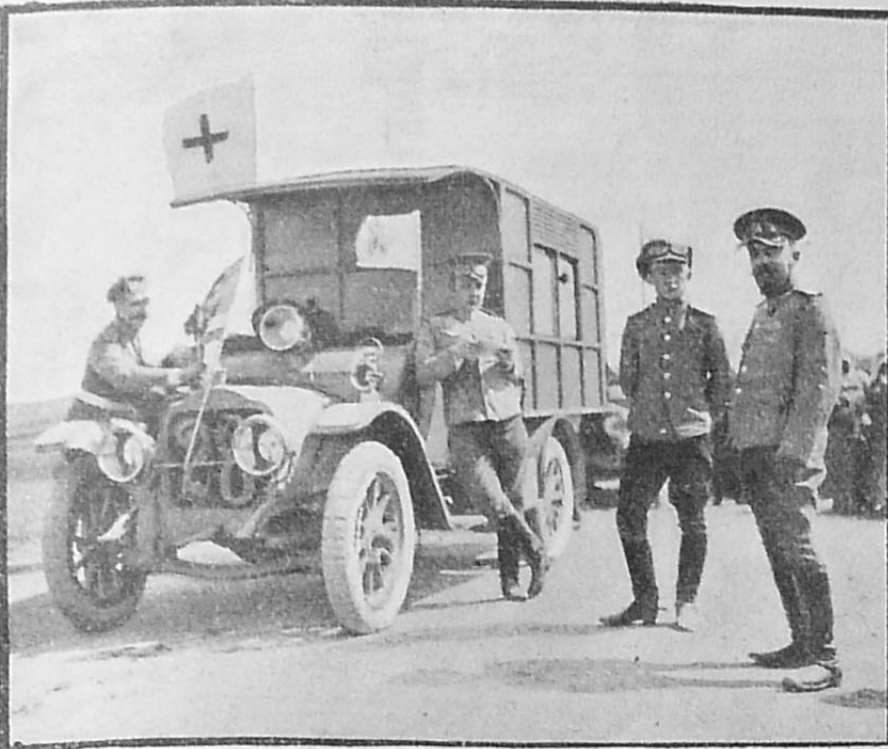
Истязаніе христіанъ-плѣнныхъ въ алжирской цитадели (въ 1830 г.).

выступаютъ на главномъ фонѣ. Гдѣ это возможно и примѣнимо, тамъ наполняютъ разныя внутреннія полости препарата металломъ либо клеємъ, а потомъ пропитываютъ просвѣтляющею жидкостью; такіе препараты даютъ превосходное наглядное руководство къ изученію расположенія внутреннихъ частей разныхъ органовъ.

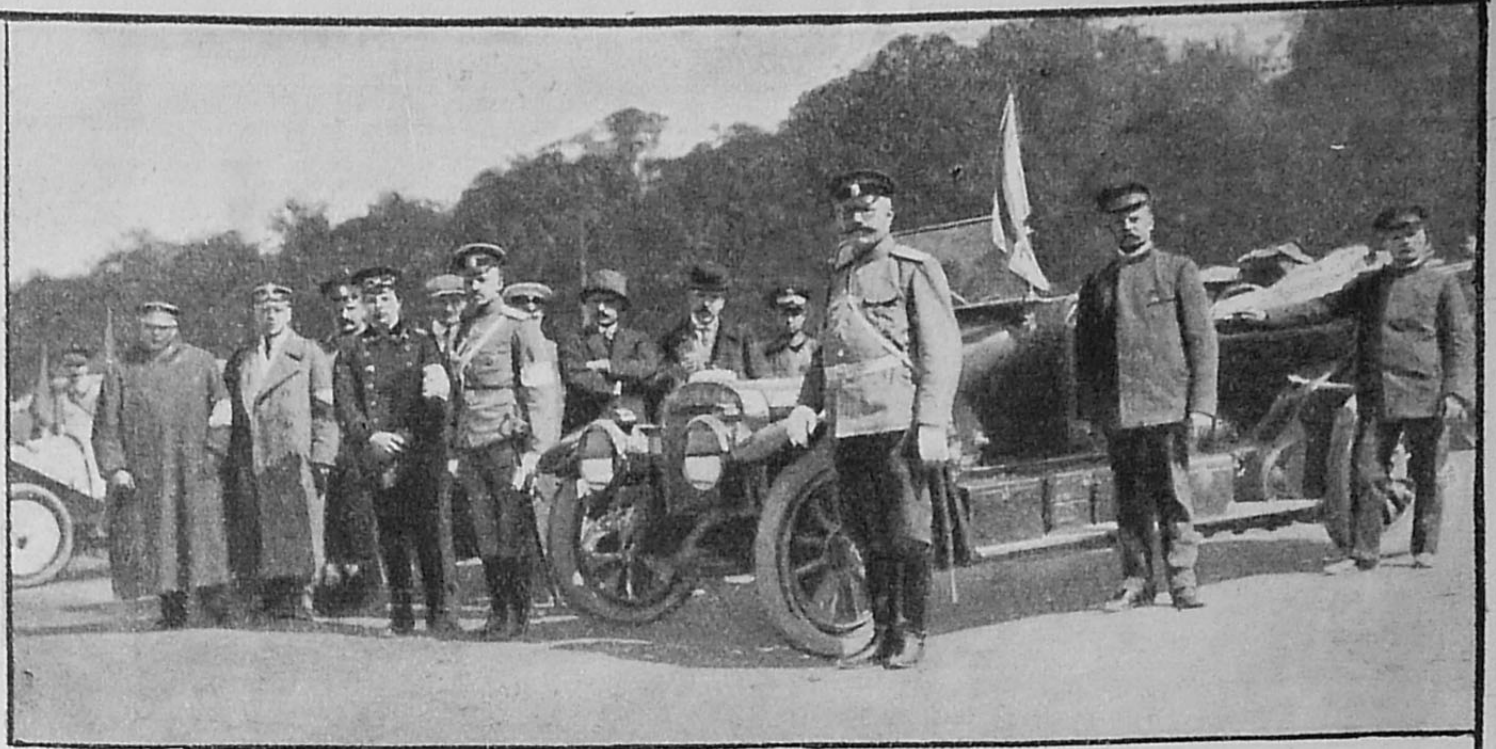
Повторяемъ еще разъ, что наши снимки даютъ далеко не полное понятіе о совершенствѣ придуманнаго Шпальтегольцемъ способа. Многіе ученые, видѣвшіе эти препараты (напр., цѣлый черепъ человѣка, сердце, позвонки, кости, части легкаго и т. д.), признали ихъ настолько интересными, что считаютъ обязательнымъ снабдить ими учебныя коллекціи.

надо замѣтить, что эти рисунки, исполненные по фотографическимъ снимкамъ, далеко не показываютъ дѣйствительнаго совершенства препаратовъ. Это ясно пойметъ каждый любитель-фотографъ. Дѣло въ томъ, что, напр., кость, ракъ, лягушка представляютъ собою не плоскость, а болѣе или менѣе объемистое тѣло, такъ что его переднія и заднія части придутся на разномъ разстояніи отъ объектива и, слѣдовательно, не могутъ быть съ одинаковою рѣзкостью взяты объективомъ, отсюда—понятное каждому фотографу несовершенство снимка.

Способъ пропитыванія Шпальтегольцъ еще соединяется съ другими способами, которые значительно поднимаютъ его научное значеніе, напр., примѣненіе къ изготовленію прочныхъ, ясно просвѣчивающихъ препаратовъ разныхъ частей тѣла животныхъ: мозга, сердца, костей, легкихъ, печени и т. д. На иныхъ препаратахъ онъ примѣняетъ окрашиваніе извѣстныхъ частей путемъ ихъ пропитыванія прозрачными красками, а затѣмъ уже обрабатываетъ прозрачною жидкостью; окрашенныя части, конечно, рѣзче

Санитарный автомобиль „Уайт“

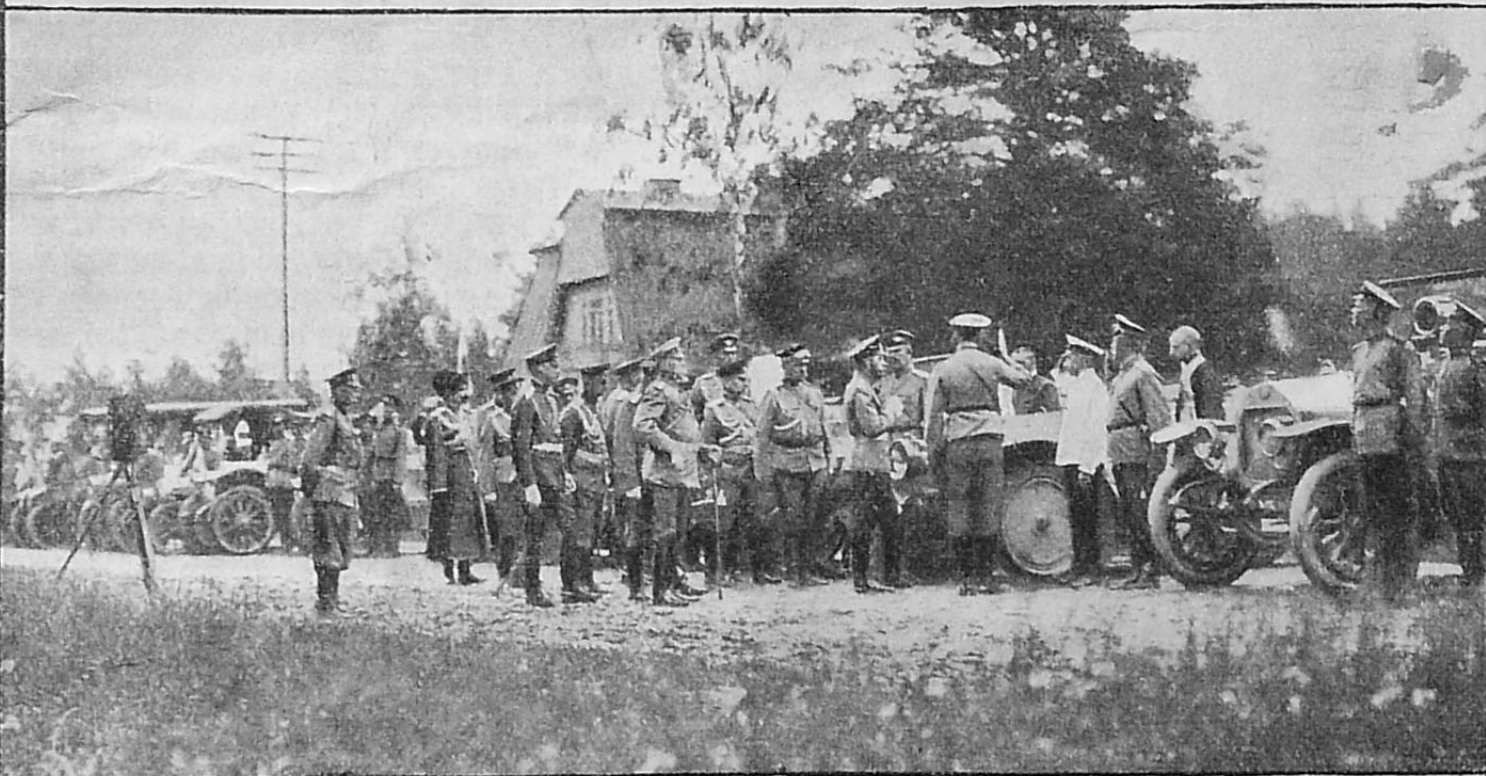
На Высочайшем смотре в Петергофѣ.

Инициаторъ и руководители пробѣга: *справа налево*: военный министр ген.-отъ-кав. В. А. Сухомлиновъ, ген.-отъ-кав. Я. Г. Жилинскій, ген.-лейт. Ф. Н. Добрышинъ и командующій военно-автомобильной ротой полк. Секретевъ.

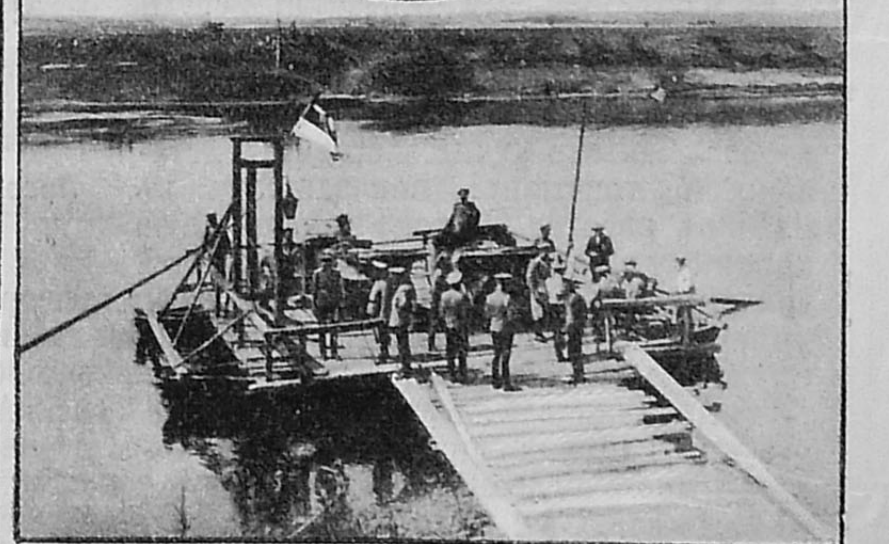
Участники пробѣга, запрягшись въ веревки, тянуть на гору автомобиль, застрявшій въ пескахъ.

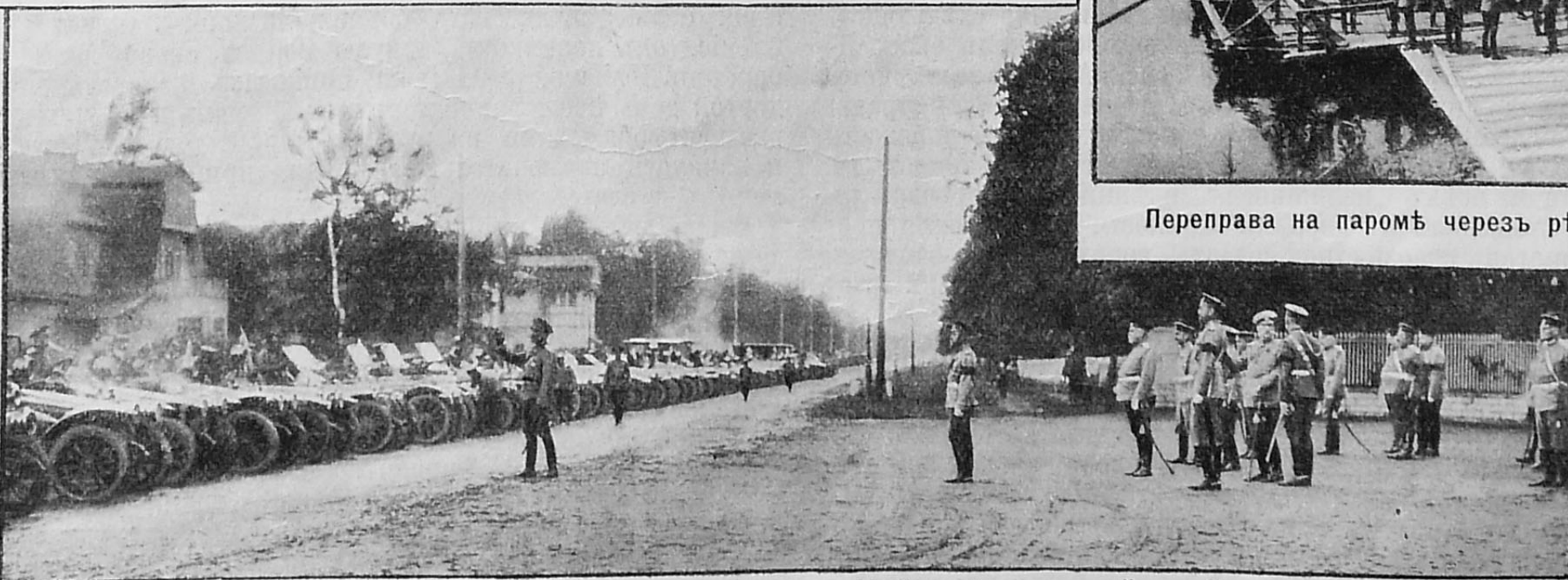
Высочайшій смотръ автомобилей в Петергофѣ. Его Величество Государь Императоръ обходитъ участниковъ пробѣга.

Цистерна „Уайт“ въ пути.

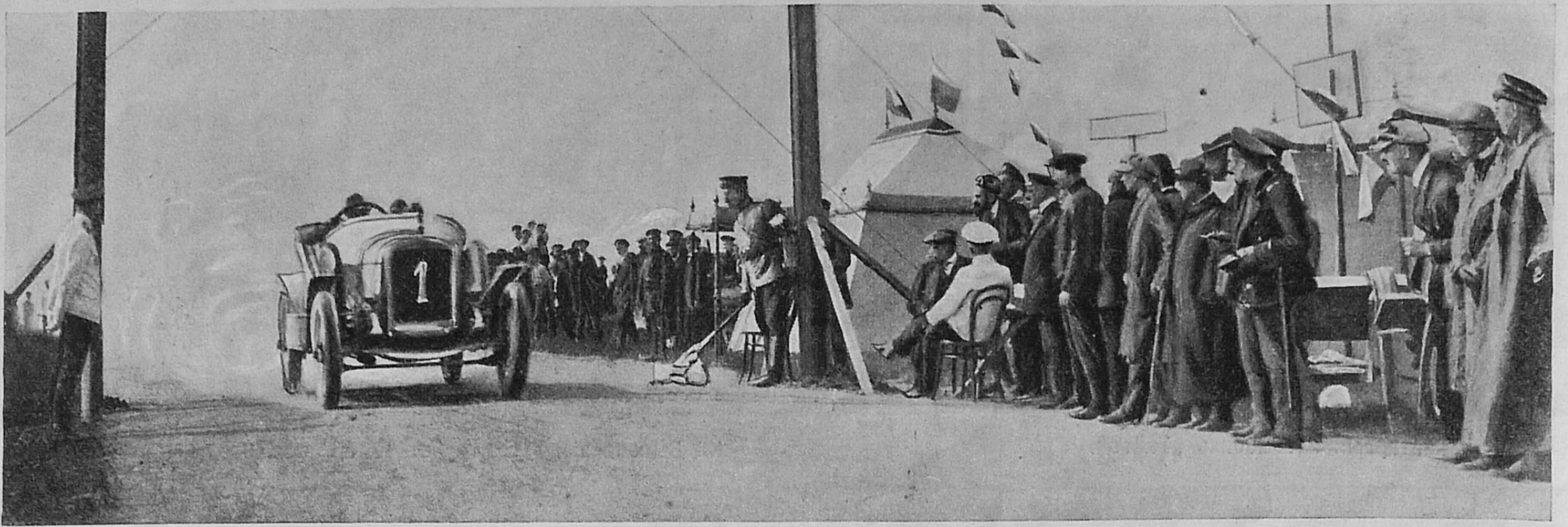

Переправа на паромѣ черезъ рѣку Вилію.

Высочайшій смотръ автомобилей в Петергофѣ 11 іюня 1912 г. Командующій ротой отдаетъ команду: „Заводить машины!“

Къ военно-автомобильному пробѣгу въ 2.500 верстъ: Петербургъ—Ковна—Гродна—Минскъ—Москва—Петербургъ.

Международный автомобильный пробѣгъ, устроенный Императорскимъ Россійскимъ Автомобильнымъ Обществомъ. Гонка на 1 километръ на Волхонскомъ шоссе. Стартъ. Первая машина. Предсѣдатель Автомобильнаго Клуба В. П. Всеволожской съ флагомъ пропускаетъ первый автомобиль.

Христіанскіе плѣнники въ Алжирѣ.

(рис. на стр. 520).

Цвѣтущая французская колонія въ Африкѣ, Алжиръ, еще не такъ давно была гнѣздомъ свирѣпыхъ разбойниковъ, которые наводили ужасъ на всю Европу. Алжирскіе деи посылали своихъ корсаровъ во всѣ стороны свѣта, и было время, когда почти вся Европа была обложена своеобразной податью: европейскія государства предпочитали платить алжирскимъ грабителямъ опредѣленную дань, чтобы только они оставляли въ покоѣ европейскія купеческія суда и не увозили въ рабство европейскихъ мореходовъ... Эта дань, впрочемъ, только до нѣкоторой степени гарантировала безопасность ея плательщикамъ. Алжирскіе пираты, какъ и вообще всѣ азіаты, легко нарушали данное слово и сплошь и рядомъ грабили даже и „застрахованные“ корабли...

Алжирское разбойничье гнѣздо существовало въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ—со временъ императора Карла V и до 1830 года, когда французы наконецъ справились съ послѣднимъ алжирскимъ деемъ и забрали Алжиръ въ свое владѣніе. И почти непосредственно до самаго этого времени алжирскіе пираты продолжали безчинствовать и умыкать въ рабство „бѣлыхъ собакъ“—гяуровъ и грабить ихъ корабли.

Въ настоящее время въ Алжирѣ среди памятниковъ старины хранится своеобразная реликвія, относящаяся къ той эпохѣ, когда алжирцы еще занимались всевозможными мучительствами и истязаніями христіанъ, попадавшихъ къ нимъ въ рабство. У входа въ старинную алжирскую крѣпость Казба находятся древнія желѣзныя двери. Надъ этими дверьми свѣшивается крѣпкая желѣзная цѣпь. Назначеніе этой цѣпи было слѣдующее. Случалось, что Алжиръ бывалъ буквально переполненъ европейскими плѣнниками. Христіанъ накоплялось въ Алжирѣ такъ много, что они начинали представлять серьезную опасность для страны своей многочисленностью. Алжирскіе деи понимали эту опасность и стремились уменьшить число христіанскихъ плѣнниковъ въ странѣ. И тогда всѣхъ „излишнихъ“ плѣнниковъ обрекали на смерть. Ихъ приводили къ дверямъ крѣпости и заставляли пробѣжать сто шаговъ сквозь строй солдатъ, вооруженныхъ саблями. Плѣнникъ бѣжалъ подъ градомъ сабельныхъ ударовъ и, въ сущности, долженъ былъ неминуемо погибнуть.

Но ему обыкновенно въ видѣ милости разрѣшалось въ концѣ его страшнаго смертнаго пути подбѣжать къ воротамъ Казба, подпрыгнуть и схватиться за спускающуюся сверху дверей желѣзную цѣпь. Если казнимому удавалось сдѣлать это, если онъ находилъ еще силу для этого—то казнь прекращалась, и онъ объявлялся „свободнымъ“.

Само собою понятно, что только очень немногимъ счастливымъ удавалось схватиться за цѣпь. Огромное большинство казнимыхъ плѣнниковъ такъ ослабѣвало подъ сабельными ударами, что выпускало дыханіе еще на полпути. У иныхъ не хватало силъ сдѣлать необходимый прыжокъ. Но даже и тѣ удачлики, которымъ хватало силъ на то, чтобы воспользоваться „ми-

лостью“ дея и избѣжать дальнѣйшихъ ударовъ палачей,—и тѣ не могли назваться счастливыми: ихъ, правда, освобождали отъ казни, но зато выгоняли въ пустыню за предѣлы Алжира и обрекали на голодную смерть въ песчаной степи.

Воспроизводимая въ настоящемъ № нашего журнала картина художника Фр. Уча изображаетъ этотъ кровавый обычай алжирскихъ разбойниковъ, эту кровавую потѣху, которую они устраивали надъ христіанами. И это было еще такъ недавно. Еще и ста лѣтъ не пронеслось съ того времени. Но уже чѣмъ-то неслыханно-далекимъ, какимъ-то пережиткомъ средневѣковья вѣетъ отъ этой жуткой картины.

Къ рисункамъ.

Прелестная сценка, изображенная на картинѣ художника В. Дюмонъ-Бретона, переноситъ насъ въ дѣтскій мірокъ. Взгляните, какъ яростно сражаются два „линейныхъ корабля“, купающіеся въ свѣтломъ просторѣ набѣгающаго прилива. Только брызги летятъ кругомъ отъ „минъ“ и „торпедъ“, которыми угощаютъ другъ друга эти расшалившіеся мальчуганы. Одному изъ „броненосцевъ“ въ концѣ концовъ приходится плохо, и онъ, того и гляди, „пойдетъ ко дну“ или сдастся на капитуляцію. Послѣднее, пожалуй, вѣрнѣе.

Отъ войны шуточной—къ войнѣ настоящей. Рисунки талантливаго баталиста академика-профессора Н. С. Самокиша возсоздаютъ два эпизода Отечественной войны, столѣтній юбилей которой мы будемъ праздновать въ текущемъ году. Первый изъ этихъ эпизодовъ—переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ—совершился 12 іюня 1812 года, и этимъ эпизодомъ собственно и началась война.

Какъ извѣстно, Наполеонъ началъ военныя дѣйствія безъ фактическаго объявленія войны. Подготовивъ наступленіе, онъ понемногу стянулъ войска около границы, т.-е. у береговъ Нѣмана, а 11 іюня приказалъ наводить мосты и на другой день неожиданно перешелъ Нѣманъ и вступилъ со своими двадцатью языками на русскую территорию. Съ этого момента и началась знаменательная война, принесшая Россіи столько жертвъ и славы.

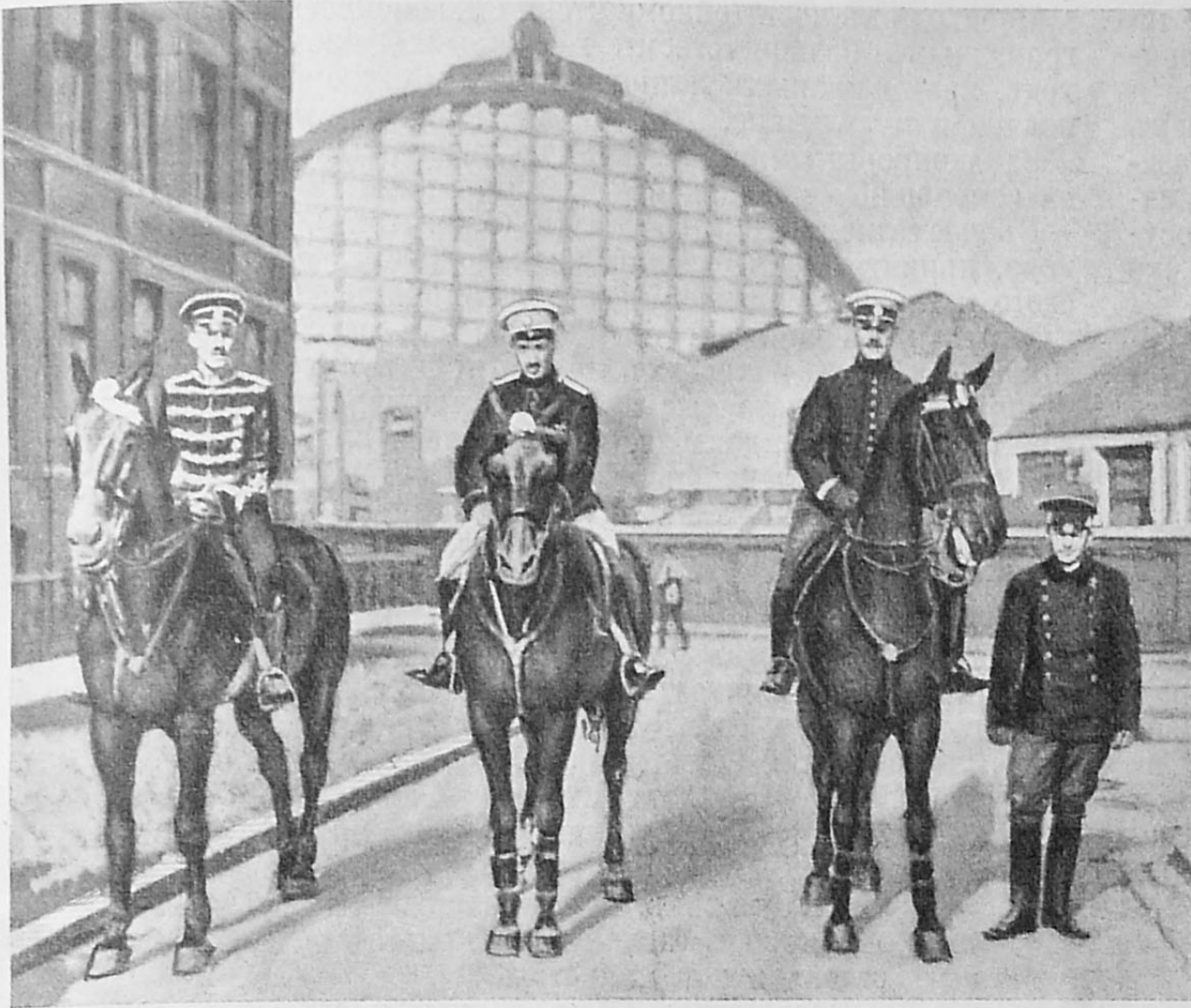
Второй эпизодъ, изображенный Н. С. Самокишемъ, относится къ тому времени, когда наполеоновская армія начала постепенными переходами втягиваться вглубь Россіи. 13 и 14 іюля произошелъ цѣлый рядъ вооруженныхъ столкновеній между русскими и французами. Одно изъ наиболѣе горячихъ и кровопролитныхъ столкновеній произошло при мѣстечкѣ Островнѣ (Сѣненскаго уѣзда, Могилевской губерніи, близъ Витебска). Русскіе отряды подъ командой Коновницына стойко выдержали яростныя атаки авангардовъ Мюрата и доставили возможность Барклаю-де-Толли выиграть нѣсколько сутокъ для спокойнаго и планомѣрнаго отступленія.

Оба эти эпизода изображены талантливымъ художникомъ исторически вѣрно и съ присущей его таланту жизненностью и яркой выразительностью.

Послѣдніе изъ воспроизводимыхъ въ настоящемъ № „Нивы“ рисунковъ даютъ представленіе о скульптурномъ отдѣлѣ нынѣшней Весенней выставки въ Академіи Художествъ. Типичный

Преосвященный Платонъ, архіепископъ американскій, прибывшій въ Петербургъ.

Поручикъ Иваненко Штабсъ-ротмистръ Эксе. Ротмистръ Родзянко.

Русскіе офицеры-кавалеристы въ Англии, взявшіе первый призъ — кубокъ Короля Эдуарда VII въ скачкѣ съ препятствіями въ Олимпіи. Въ скачкѣ участвовали офицеры семи странъ, и наши знаменитые ѣздоки, славные участники „Cours hippiques“: ротмистръ П. П. Родзянко, штабсъ-ротмистръ Д. Ѳ. Эксе (побѣдитель кубка Короля Георга V въ 1911 г.) и поручикъ Иваненко получили наибольшее число очковъ.

мальчуганъ, вынимающій у себя занозу (И. Гинцбург), забавный, мрачно настроенный „Цыпленокъ“ — Е. Малышева, трогательная группа старика-крестьянина съ его лошадыю — „Вмѣстѣ обоимъ сто лѣтъ“ С. Исакова, собака Е. Малышева и эффектная медаль М. Керзина обращали на себя общее вниманіе на выставкѣ своими несомнѣнными художественными достоинствами.

Пренія о флотѣ.

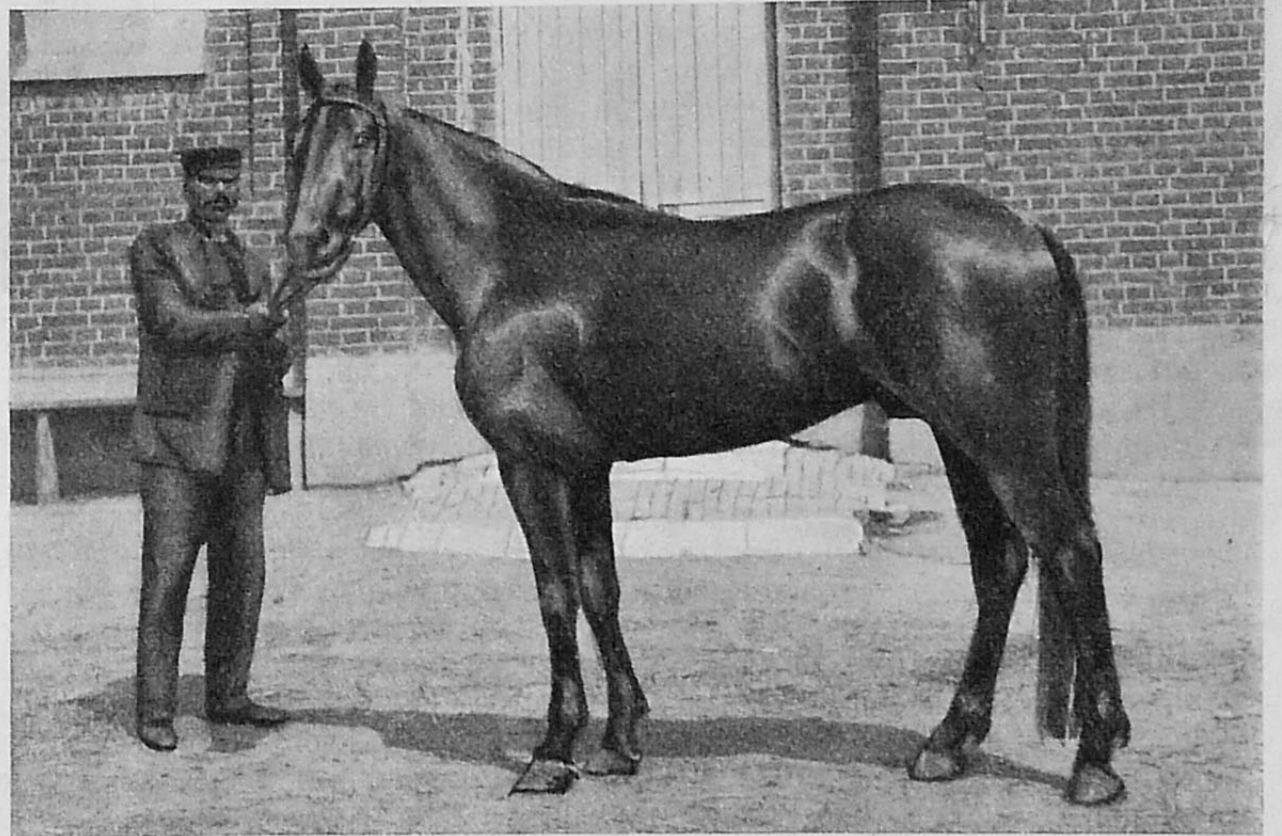
(Вопросы внутренней жизни).

(Окончаніе).

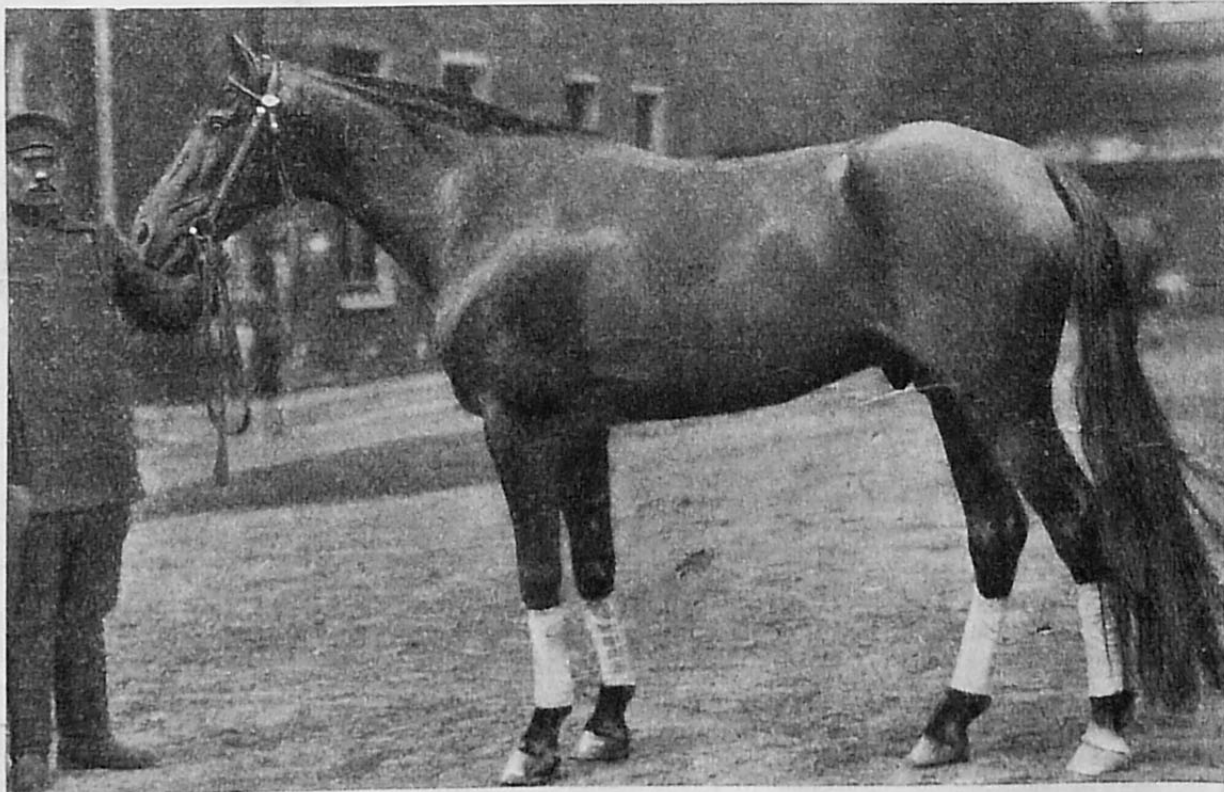
Московскій депутатъ Челноковъ счелъ долгомъ остановиться надъ вопросомъ о той цѣли, которую преслѣдуетъ вѣдомство, внося требованіе объ ассигнованіи 502 мил. руб., о той цѣли, для которой строится флотъ. Вѣдомство опредѣленно заявляетъ, что, по выполненіи этой судостроительной программы, флотъ сможетъ защитить Финскій заливъ отъ непріятельскаго вторженія. Все же побережье Балтійскаго моря мы можемъ защитить, даже затративъ 1.256 милл. (502 милліона на постройку флота и 700 мил. на его содержаніе), лишь при извѣстной политической комбинаціи, а если этой комбинаціи не будетъ, то мы и впредь будемъ беззащитны на значительной части побережья Балтійскаго моря. Но Финскій заливъ надо защитить всего на протяженіи 29 верстѣ, и при этомъ на данномъ протяженіи имѣются

2 крѣпости, минныя загражденія и подводныя лодки. Между прочимъ въ докладѣ вѣдомство говоритъ, что для защиты шкеръ нужны канонерскія лодки, такъ какъ броненосцы тамъ ходить не могутъ. Но въ программу канонерки не внесены на томъ основаніи, что прорывы между группами острововъ можно обстрѣливать съ пролива. Такимъ образомъ, чтобы защитить пространство въ 29 верстѣ, будутъ строиться броненосцы въ 28.000 тоннъ, развивающіе ходъ въ 59 верстѣ въ часъ. Слѣдовательно, то пространство, которое нужно защищать, корабли эти могутъ пройти въ полчаса. Вѣдомство, по мнѣнію оратора, удѣляетъ все-таки слишкомъ мало вниманія миннымъ загражденіямъ. Всѣ эти разсужденія, которыя мы теперь слышимъ, что подводныя лодки слабы и ненадежны, не могутъ быть доказаны даже тѣми данными, которыя представило вѣдомство. Имѣются новѣйшаго типа лодки, которыя могутъ пройти 7.000 верстѣ со скоростью 31 версты на поверхности и 21 версты подъ водой.

Европейскія державы смотрятъ не такъ пессимистически на подводныя лодки и строятъ ихъ въ довольно значительныхъ количествахъ. Въ то время, когда мы предполагаемъ строить всего 12 лодокъ, англичане имѣютъ 82, а нѣмцы будутъ имѣть 72. Морское вѣдомство всѣ свои надежды возлагаетъ на броненосцы, но, беря тотъ типъ, который въ данный моментъ является наиболѣе сильнымъ, вѣдомство не учитываетъ прогресса, и когда судно готово черезъ 5—6 лѣтъ, то оно оказывается отставшимъ. Помимо того, огромные корабли съ такимъ быстрымъ ходомъ не имѣютъ значенія для Финскаго залива. Очевидно, дѣйствительная цѣль постройки этихъ кораблей — не Финскій заливъ, а предполагаемая возможность перенести войну къ берегамъ противника. Такимъ образомъ при постройкѣ флота есть скрытая цѣль. Мы и гонимся за двумя зайцами: возможностью переносить войну къ берегамъ противника и защищать въ то же время и свои берега, и, конечно, никого не поймемъ.

„Метеоръ“ Н. В. Телѣгина, побѣдитель Большаго Всероссійскаго приза („Рысистаго Дерби“) на бѣгахъ въ Москвѣ 10 іюня с. г.
По фот. А. К. Завадскаго.

„Центуріонъ“ Брайловскаго и Петрова, побѣдитель Императорскаго приза на бѣгахъ въ Москвѣ 10 іюня с. г.
По фот. А. К. Завадскаго.

Рѣчь третьяго кадетскаго оратора базировалась главнымъ образомъ на культурно-финансовую сторону вопроса. Предсѣдатель Совѣта Министровъ В. Н. Коковцовъ доказывалъ полную совмѣстимость испрашиваемыхъ ассигновокъ на флотъ съ быстро и неудержимо прогрессирующими расходами на культурныя потребности Россіи. „Если мы будемъ говорить: „не давайте на флотъ, а давайте на начальное образованіе“, мы придемъ къ рѣшенію неправильному. Нужно потребности взаимно согласовать, а не противопоставлять одну другой. Какъ бы ни было заманчиво, господа, итти далѣе въ увеличеніи потребностей государства въ смыслѣ культурнаго развитія, но нельзя забывать о томъ, что культура культурою, а спокойствіе и безопасность — другое дѣло. Культуры вы не достигнете, когда у васъ не будетъ внѣшней безопасности. (Голоси въ центрѣ: „правильно“). Вы можете богатѣть, вы можете образовываться, это все безусловно нужно, и вы знаете, какими гигантскими шагами идетъ Россія въ этомъ отношеніи. Вы знаете, что вы удвоили бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за четыре года. Вы болѣе чѣмъ удвоили бюджетъ землеустройства за то же время и въ это самое время вы дали необходимыя средства на нужды обороны страны. Такъ будетъ и въ будущемъ. Вотъ почему, говоря о государственныхъ потребностяхъ, я никогда не считаю правильнымъ противопоставленіе расходовъ производительныхъ и расходовъ непроизводительныхъ. При-

нято называть расходами непроизводительными расходы на оборону. Я это считаю глубоко неправильным. Вот если вы придете и скажете мнѣ, что Россія въ настоящее время можетъ среди тѣхъ политическихъ конъюнктуръ, которыя сложились во всемъ мѣрѣ, распустить свою армію, можетъ не строить флота, упразднить Военное и Морское Министерства и отдать лишніе 600 милліоновъ рублей въ годъ на нужды культурныя—на орошеніе, на осушеніе и на всякія иныя потребности государства,—то отчего же этого не сдѣлать? Но если вы этого сказать не можете, если вы вмѣстѣ со мною скажете, что въ настоящее время сытымъ и богатымъ можетъ быть только то государство, которое ведетъ самостоятельную жизнь, которое ограждаетъ свое достоинство и безопасность, вы не должны дѣлать расходы на производительные и непроизводительные, ибо такихъ расходовъ нѣтъ. Расходы на оборону производительны потому, что безъ этихъ расходовъ мы сдѣлаемся достояніемъ того, кто, можетъ-быть, окажется въ нужную минуту менѣе богатъ, чѣмъ мы, но вооруженъ всѣми средствами обороны и тѣми средствами, которыми мы располагать не будемъ. Эту истину, господа, забывать не слѣдуетъ, не слѣдуетъ выдвигать фантомовъ, какихъ-то конъюнктуръ, авантюръ и иныхъ предприятий, какими вы ихъ именами ни назовете. Вы лучше меня знаете, что Россія авантюрами не занимается, Россія никому не угрожаетъ, Россія ни на кого нападать не желаетъ, Россія желаетъ одного—быть сильною у себя для того, чтобы жить спокойно... (Аплодисменты справа и въ центрѣ).

„Последнее слово, гг., мое относится къ той последней части, которая была, если можно такъ выразиться, обвинительнымъ актомъ противъ Морского Министерства. Вы слышали, что и представители партіи народной свободы готовы были бы вотировать за ассигнованіе денегъ на флотъ, если бы они знали, кому они ихъ даютъ, если бы они вѣрили въ то вѣдомство, которое будетъ этими деньгами распоряжаться. Я очень былъ радъ этому заявленію, я съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ, что нужды обороны такъ же близки сердцу партіи народной свободы, какъ и остальнымъ партіямъ Гос. Думы (смѣхъ справа). Но, гг., если мы хотимъ вотировать вопросъ о томъ, давать или не давать деньги, по довѣрію или по недовѣрію, я думаю, что это—пріемъ, извѣстный способъ аргументаціи, а не основаніе для того или иного рѣшенія. Тяжелое прошлое пройдено Морскимъ Министерствомъ, тяжелое прошлое пройдено всѣмъ правительствомъ и всѣмъ русскимъ народомъ; я думаю, что въ морскомъ вѣдомствѣ тѣ же люди, какъ и вы; если вы сознаете свой долгъ передъ родиной дѣлать такъ, чтобы было лучше, то и мы это сознаемъ, съ тою только разницей, что на васъ лежитъ отвѣтственность дать или не дать деньги, на насъ же лежитъ отвѣтственность гораздо большая—сумѣть использовать эти деньги. Вы должны видѣть въ этомъ залогъ того, что по мѣрѣ силъ и разумѣнія правительство и Морское Министерство исполняютъ честно свой долгъ. Я кончу мою рѣчь послѣдними словами докладчика бюджетной комиссіи, члена Гос. Думы Опочинина, который сказалъ сегодня: „Вы, члены Гос. Думы, исполните свой долгъ, вотируя въ пользу ассигнованія этого кредита“, а я вамъ скажу: морское вѣдомство и все правительство исполняютъ свой долгъ передъ родиной и передъ своимъ Государемъ. По крайней мѣрѣ, всѣ силы нашего разумѣнія будутъ приложены къ тому, чтобы съ честью выйти изъ той отвѣтственной задачи, которая будетъ возложена на насъ предоставленіемъ средствъ на осуществленіе судостроительной программы“. (Аплодисменты справа и въ центрѣ).

Переходъ къ постатейному чтенію законопроекта принять былъ громаднымъ большинствомъ голосовъ 228 противъ 71. За переходъ, кромѣ правыхъ націоналистовъ и октябристовъ, вотировали поляки и мусульмане.

Законопроектъ принять былъ въ редакціи бюджетной комиссіи съ сокращеніемъ общей суммы на 72 милліона.

Въ послѣднемъ, 153 засѣданіи (закрытомъ), по докладу Гучкова, принять былъ спѣшный законопроектъ о расширеніи морского и главнаго артиллерійскаго полигоновъ. Изъ докладовъ согласительныхъ комиссій пренія вызвалъ законопроектъ о прирѣбнѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ. Гос. Дума единогласно высказалась за мнѣніе меньшинства согласительной комиссіи по этому докладу, т.-е. осталась при прежнемъ своемъ рѣшеніи, чтобы законопроектъ этотъ имѣлъ обратную силу и былъ распространенъ на всѣхъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ отставку въ періодъ со дня начала войны съ Японіей до 1 января 1913 года. Депутатъ Воейковъ 2-й сдѣлалъ внѣочередное заявленіе по поводу неразмощенія законопроектовъ, связанныхъ съ отпускомъ средствъ на увеличеніе содержанія учителей церковно-приходскихъ школъ, указывая, что вина въ этомъ всецѣло падаетъ на центръ Гос. Думы. Отъ имени духовенства сдѣлалъ такое же заявленіе священникъ Гепецкій. Послѣднимъ принять былъ, по докладу Ковалевскаго, законопроектъ объ отпускѣ изъ казны 600.000 р. на увеличеніе содержанія городского и сельскаго духовенства. Противъ этого законопроекта выступилъ одинъ лишь Гулякинъ. Передъ закрытіемъ засѣданія въ ложѣ министровъ появились: предѣдатель Совѣта Министровъ и всѣ министры.

Предѣдатель Гос. Думы предложилъ стоя выслушать Высочайшій Указъ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ (Сводъ Зак. т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать 9-го сего іюня, впредь до изданія указа Нашего о назначеніи выборовъ въ Государственную Думу и времени ея созыва въ новомъ составѣ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежація распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ.
8-го іюня 1912 года.

Знакъ-жетонъ членовъ
III Государственной Думы
въ память 5-лѣтней сессіи
1907—1912 г.

Чтеніе Указа сопровождалось громогласнымъ „ура“ Государю Императору и дважды повтореннымъ всею Гос. Думой гимномъ, причемъ депутатъ Ждановъ дирижировалъ, стоя на депутатской каедрѣ.

Въ 4 часа засѣданіе было объявлено закрытымъ. Тотчасъ послѣ засѣданія въ Екатерининской залѣ членомъ Гос. Думы высокопреосвященнымъ Евлогіемъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Трогательно было послѣдовавшее затѣмъ прощаніе депутатовъ другъ съ другомъ, многіе обнимались и цѣловались.

По инициативѣ депутата Шульгина 2, всѣ дамы и дѣвицы, работающія въ Гос. Думѣ, получили отъ фракціи націоналистовъ по букету цвѣтовъ, перевязанному лентой національныхъ цвѣтовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 іюня слѣдовало внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1 іюля (съ № 27-го). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 коп.** почтовыми марками и **печатный адресъ** или сообщить № печатнаго адреса.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Подъ истиннымъ гнѣздомъ. Повѣсть Вл. Ленскаго. (Продолженіе).—Сельская школа. Повѣсть Н. В. Успенскаго.—Золото! Золото! въ Алжирѣ.—Къ рисункамъ.—Пренія о флотѣ (Вопросы внутренней жизни).—Именной Высочайшій Указъ.—Заявленіе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Морская битва.—Переходъ черезъ Нѣманъ (12 іюня 1812 г.).—Дѣло при Островнѣ (13 іюля 1812 г.). Скульптура на Весенней выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ (5 рис.).—Прозрачные препараты (5 рис.).—Христіанскіе плѣнники въ Алжирѣ.—Автомобильный пробѣгъ. (8 рис.).—Международный автомобильный пробѣгъ, устроенный Императорскимъ Россійскимъ Автомобильнымъ Обществомъ.—Преосвященный Платонъ, архіепископъ американскій.—Русскіе офицеры-кавалеристы въ Англии.—„Метеоръ“ Н. В. Телѣгина.—„Центурионъ“ Брайловскаго и Петрова.—Знакъ-жетонъ членовъ III Государственной Думы.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій“ А. А. Фета кн. 4.

